

Лествица или Скрижали духовные

- [Предисловие книги сей, именуемой Скрижали духовные](#)
- [Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской](#)
- [О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике](#)
- [Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы](#)
- [Ответ](#)
- [Слово 1. Об отречении от жития мирского](#)
- [Слово 2. О беспристрастии, то есть, отложении попечений и печали о мире](#)
- [Слово 3. О странничестве, то есть, уклонении от мира](#)
- [Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании](#)
- [Слово 5. О попечительном и действительном покаянии и также о житии святы осужденников, и о темнице](#)
- [Слово 6. О памяти смерти](#)
- [Слово 7. О радостотворном плаче](#)
- [Слово 8. О безгневии и кротости](#)
- [Слово 9. О памятозлобии](#)
- [Слово 10. О злословии и клевете](#)
- [Слово 11. О многоглаголении и молчании](#)
- [Слово 12. О лжи](#)
- [Слово 13. Об унынии и лености](#)
- [Слово 14. О любезном для всех и лукавом владыке, чреве](#)
- [Слово 15. О нетленной чистоте и целомудрии, которое тленные приобретают трудами и потами](#)
- [Слово 16. О сребролюбии](#)
- [Слово 17. О нестяжании](#)
- [Слово 18. О нечувствии](#)
- [Слово 19. О сне, о молитве и псалмопении в соборе братьий](#)
- [Слово 20. О бдении телесном: как мы чрез него достигаем духовного, и как должно оное проходить](#)
- [Слово 21. О малодушной боязливости, или страховании](#)
- [Слово 22. О многообразном тщеславии](#)
- [Слово 23. О безумной гордости](#)
- [Слово 24. О кротости, простоте и незлобии, которые не от природы происходят, но приобретаются тщанием и трудами, и о лукавстве](#)
- [Слово 25. Об искоренителе страстей, высочайшем смиренномудрии, бывающем в невидимом чувстве](#)
- [Слово 26. О рассуждении помыслов и страстей, и добродетелей](#)
- [Слово 27. О священном безмолвии души и тела](#)
- [Слово 28. О матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом](#)
- [Слово 29. О земном небе, или о богоподражательном бесстрастии и совершенстве, и воскресении души прежде общего воскресения](#)
- [Слово 30. О союзе трех добродетелей, то есть о вере, надежде и любви](#)
- [Слово особенное к пастырю, научающее, каков должен быть наставник словесных овец.](#)

Предисловие Книги Сей, именуемой Скрижали Духовные

Всем, поспешающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим

путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неуязвленными от всякого претыкания, и представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лестницу видел и Иаков, запинатель страстей, когда покоился на подвижническом ложе. Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верою, на сей умственный и небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроивши для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо в возрасте тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно изобразил лестницу, состоящую из тридцати степеней духовного совершенства, по которой достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклоняемыми к падению. А кто не достиг сей меры возраста, тот еще младенец, и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие (преподобного) премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена

святой горы Синайской, прозванного схоластиком¹⁾ поистине святого отца.

Составленное монахом Раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным.

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани; а какой град ныне покоит и нетленную пищу питает сего дивного, это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: наше житие на небесех есть (Флп.8:20); невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимую доброту, духовно утешается духовным²⁾, получив воздаяния, достойные подвигов, и почесть за труды, не трудно понесенные – тамошнее наследие; и навсегда соединившись с теми, которых нога ста на правоте (Пс.25:12). Но как сей вещественный достиг невещественных сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысячелетен, сей блаженный принес себя самого, как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею, и телом взошел на Синайскую, а душою на небесную гору; с тем, думаю, намерением, чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. Итак, отсеки бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц³⁾, восприяв же благолепное смиренномудрие, он. При самом вступлении в подвиг, весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие; ибо преклонил свою выю и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы, при благонадежном его руководстве, непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу, как бы без разума и без воли,

совершенно свободную и от естественного свойства; а еще удивительнее то, что, обладая внешнею мудростию, он обучался небесной простоте. Дело преславное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением. Потом по прошествии девятнадцати лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя как молитвенника и заступника, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося сильныя, на разорение твердынь, оружия – молитвы великого (своего отца); и избрав место удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях от храма Господня (место это называется Фола), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горящую ревностию и огнем божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные? Впрочем, хотя через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве сего блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, премудро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости. Итак, малоядением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, много похотливо желающую, голодом вопия к ней: молчи, престань, тем же, что вкушал от всего понемногу, поработал он мучительство славлюбия; а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень сей (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостынею и скудостью во всем потребном мужественный сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (Кол.3:5), от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и расслабления (и) восставлял он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как остном; а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечом послушания, неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той победе, которую сей добрый таинник одержал над осьмою отроковицею⁴). Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием; ибо без сего не может быть побежден диавол с сообразным ему полчищем. Где помещу, в настоящем нашем плетении венца, источник слез его (дарование не во многих обретающееся), которых тайное делателище и до ныне остается, – это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы; она настолько отстояла от его келлии и от всякого человеческого жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия; но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами и прободаемые разжженным железом, или лишаемые очей. Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения, а прежде сна много молился и сочинял книги; это упражнение служило ему единственным средством против уныния. Впрочем все течение жизни его была непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу; ибо, день и ночь, воображая Его в светлости чистоты, как в зеркале, он не хотел, или точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики

и наставил на истинное любомудрие; подвигнув старцев на ходатайство, Моисей, через их просьбы, убедил великого мужа принять себя. Некогда авва повелел сему Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий; достигши указанного места, Моисей без лености исполнил повеление; но как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее ему бедствие. Ибо великий старец, сидя в келлии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и посмеваясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочивши немедленно, Иоанн вооружился молитвою за ученика своего; и когда тот вечером возвратился, спрашивал его, не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность? Ученик ответил: огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень; но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг выскочил из того места. Отец же, поистине смиренномудрый, ничего из видения не открыл ученику, но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцем добродетелей и врачом, исцелившим сокровенные язвы. Некто. По имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: станем, друг, оба на молитву. И между тем, как молитва их кончилась, и страждущий еще лежал, повергшись ниц лицом, Бог исполнил волю раба Своего (Пс.144:19), дабы оправдать слово Давидово; и змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал. А недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистию, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самих делом и показал всем, что вся может о укрепляющем всех Христе (Флп.4:13); ибо молчал в течении целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: заградили мы источник приснотекущей пользы, ко вреду общего всех спасения. Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом, все, удивляясь преуспеянию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели его на игуменство братии и, возвысивши сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили; ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные; и возводимый по духовных степенях, принял богоначертанное законоположение и видение. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово, и из благого сокровища сердца своего изнес слова благие. Он достиг конца видимого жития в наставлении новых Израильтян, т. е. иноков, тем одним отличаясь от Моисея, что вошел в горный Иерусалим, а Моисей, не знаю как, не достиг земного.

Дух святой говорил его устами; свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и до ныне спасаются через него.

Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид⁵). Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (Раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца сильными своими просьбами, для пользы братьев сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренно – созерцательное⁶). Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое; ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витийства⁷).

О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике.

(Повествует один монах Синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну)

Некогда авва Мартирий пришел с аввою Иоанном к Анастасию великому; и сей взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок, и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет, Иоанн сделан был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собою Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал, и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни), авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великою звездою.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом, и когда сошлось к нам около шести сот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который как некий распорядитель, ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его; господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

Некогда в Палестинских странах было бездождие; авва Иоанн, по прошению тамошних жителей, помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного; ибо волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит (Пс.144:19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со

слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь; я молился, чтобы ты проводил меня: ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить сию дружину; но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься: если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось; ибо в десятый месяц потом отошел и сей ко Господу⁸).

Послание святого Иоанна, игумена Раифского,

к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы.

Вышеестественному и равноангельному отцу отцев и превосходнейшему учителю грешный Раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное впрочем и всеми добродетелями. И в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: вопроси отца своего, и возвестит тебе: старцы твоя, и рекут тебе (Втор. 32:7). И потому, припадая к тебе, как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстроумии и превосходнейшему учителю, сим писанием нашим молим тебя, о, глава добродетелей, преподай нам невежественным то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей, и на той же горе; и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых Израильтян, т. е. людей новоисшедших из мысленного Египта и из моря житейского. И как ты в оном море, вместо жезла Богоглаголивым языком твоим, при содействии Божиим, чудодействовал: то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе, для спасения нашего благорассудительно и неленостно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житию, будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лести или ласкательства: тебе, освященная глава, известно, что мы чужды таких действий, но в чем все уверены, что вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, что и мы повторяем. Итак надеемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные, на скрижалях оных, начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых и, как лестница, утвержденная даже до небесных врат (Быт.28:12) возводит произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержателей тьмы и князей воздушных. Ибо, если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных агнцев, не только видением, но и делом и истиною⁹ может показать всем непогрешительный восход к Богу. Здравствуй о Господе, честнейший отче!

Ответ

Иоанн Иоанну желает радоваться.

Получил я, воистину достойное высокого и бесстрастного

жития твоего и чистого и смиренного твоего сердца, посланное тобою к нам, нищим и убогим в добродетелях, честное твое писание, или, лучше сказать, заповедь и повеление, превосходящее нашу крепость. Так, это поистине тебе и твоей священной душе свойственно просить поучительного слова и наставления у нас, необученных и невежественных делом и словом; ибо она привыкла всегда показывать нам в себе образец смиренномудрия. Впрочем скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть в великую беду отвержением от себя святого ига послушания, матери всех добродетелей, то и не дерзнули бы безрассудно на предприятие, превосходящее нашу силу.

Тебе, дивный отче, следовало бы, спрашивая о таких предметах, научиться от мужей, хорошо познавших это; ибо мы находимся еще в разряде учащихся. Но как богоносные отцы наши и тайноучители истинного познания определяют, что послушание есть несомненная покорность повелевающим и в тех делах, которые превышают нашу силу: то мы, благочестно презревши нашу немощь, смиренно покусились на труд, превосходящий нашу меру; хотя и не думаем принести тебе какую-нибудь пользу, или объяснить нечто такое, что и ты, священная глава, знаешь не меньше нас. Ибо не только я уверен, но и всякий, думаю, из здравомыслящих знает, что око ума твоего чисто от всякого земного и мрачного возмущения мрачных страстей, и невозбранно взирает на Божественный свет и озаряется им. Но, боясь смерти, рождающейся от преслушания, и как бы движимый сею боязнию на послушание, приступил я к исполнению всечестного поселения твоего со страхом и любовью, как искренний послушник и непотребный раб превосходнейшего живописца, и при скудном моем знании, и недостаточном выражении, одним только чернилом, однообразно начертав живые слова, предоставляю тебе, начальник учителей и чинов начальник, все это украсить, уяснить и, как исполнителю скрижалей и закона духовного, недостаточное восполнить. И не к тебе посылаю сей труд; нет, это было бы знаком крайнего неразумия, ибо ты силен о Господе не только иных, но и нас самих утверждать в божественных нравах и учениях, но к богозванной дружине братьев, которые вместе с нами, учатся у тебя, о избранный учитель! К ним-то через тебя начинаю сие слово; их и твоими молитвами, как бы некими водами надежды будучи подъемлем, при всей тяжести невежества, стираю вертило трости и со всяким молением предаю кормило слова нашего в руки доброму нашему сокормчому. Притом прошу всех читающих: если кто здесь усмотрит нечто полезное, то плод всего такого, как благоразумный, да приписывает великому наставнику нашему, а нам да просит воздаяния у Бога за сей слабый труд, не на бедность сочинения (поистине всякой неопытности исполненного), взирая, но принимая намерение приносящего, как вдовичье приношение¹⁰); ибо Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия.

Слово 1. Об отречении от жития мирского.

1. Из всех созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога), разумных и достоинством самовластия почтенных существ, одни суть други Его, другие истинные рабы, иные рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему.

И други Его, о священный отче, как мы скудоумные полагаем, суть собственно умные и бестелесные существа, Его окружающие; истинные рабы Его – все те, которые не леностно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные – те, которые, хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных, или зловерных (еретиков); а противники Богу суть те, кои не только повеления Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оное.

2. Каждое из сказанных состояний требует особенного и приличного слова; но для нас, невежд, в настоящем случае бесполезно излагать это пространно. Итак поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верою своею убедили; в несомненном [11](#)) послушании прострем недостойную нашу руку и, принявши трость слова от их же разума, омочим в темновидное, но светящееся смиренномудрие; и на гладких и чистых сердцах их, как на некоторой бумаге, или лучше сказать, на духовных скрижалях, станем живописать Божественные слова, или вернее, Божественные семена, и начнем так:

3. Всех одаренных свободною волею Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых; так как все без изъятия пользуются изливанием света, сиянием солнца и переменами воздуха; несть бо лицепрятия у Бога ([Рим.2:11](#)).

4. Нечестивый есть разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни оной (Бога), и о Творце своем присносушем помышляющее, как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий содержит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с ересью противною. Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и, по силе своей, старается делать добро. Воздержник тот, кто посреди искушений, сетей и молвы, всею силою ревнует подражать нравам свободного от всего такого. Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и брренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени и месте, и деле. Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный. Монах есть тот, кто скорбя и болезнуя душою, всегда памятует и размышляет о смерти, и во сне и во бдении. Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества, для получения тех благ, которые превыше естества.

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это, или ради будущего царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих

намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения.

6. Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и да не престаёт изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца, до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего, и повелевшего слугам Своим, ангелам: разрешите его от страстей и оставите его ити (Ин.11:44), к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы.

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от Фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т. е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя¹²⁾, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе; ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содома – ангела. И одни из них т. е. исшедшие из Египта, подобны тем, которые с помощью врачей исцеляют душевные страсти, а другие подобны желающим совлечься нечистоты окаянного тела; потому они и требуют помощника – Ангела, т. е. равноангельного мужа; ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо, поистинне потребны крайнее понуждение и непрестанные скорби, особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав и бесчувственное сердце истинным плачем не претворятся в боголюбие и чистоту. Ибо труд, поистине труд и большая сокровенная горесть неизбежны в сем подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, через простоту, глубокое безгневие и прилежание, не сделается целомудренным и люборассмотрительным. Впрочем, будем благодущны, страстные и изнемогающие; немощь нашу и душевное бессилие несомненную верою, как десною рукою, представляя и исповедуя Христу, непременно получим помощь Его, даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренномудрия.

9. Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли свергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушает себя, и потом уже от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием, да яст, и от чаши сей, которая со слезами, да пьет: да не в суд себе воинствует. Если не всякий, кто крестился, спасется, то... умолчу о последующем.

10. Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презирать, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание. Благое же основание, трехсоставное или трехстолпное, составляют незлобие, пост и целомудрие. Все младенцы во

Христе да начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого; нет у них ни алчности неутолимой, ни ненасытного чрева, ни телесного разжжения; оно появляется уже впоследствии, с возрастом и может быть по умножении пищи.

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся, при самом вступлении в борьбу, ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели; ибо душа, бывшая прежде мужественною и ослабевши, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема, посему многократно некоторые воздвигали себя таким образом (от расслабления).

12. Когда душа, предательствуя сама себя, погубит блаженную и вожделенную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась: и на эту причину да обратит весь труд свой и все прилежание; ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми же дверьми, которыми она вышла.

13. Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется; а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжет сильный пожар.

14. Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня; другие утвердили столбы на земле; а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены потом шли быстрее. Разумеющий да разумеет, что значит это гадательное слово¹³⁾.

15. Как позванные Богом и Царем усердно устремимся в путь, дабы нам, маловременным на земле, в день смерти не явиться бесплодными и не погибнуть от голода. Богоугодим Господу, как воины угождают Царю; ибо вступивши в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя так, как боимся зверей; ибо я видел людей, шедших красть, которые Бога не убоялись, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей: ибо я много раз видел людей, прогневавших Бога и нисколько о том не заботившихся, но те же самые, какую-нибудь малостию огорчив своих друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякие способы, всячески изъясляли им свою скорбь и свое раскаяние, и лично, и через иных, друзей и родственников, приносили извинения, и посылали оскорбленным подарки, чтобы только возвратить прежнюю их любовь.

16. В самом начале отречения без сомнения с трудом, понуждением и горестию исполняем добродетели; но преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостью и ревностию, с вожделением и Божественным

пламенем.

17. Сколько похвальны те, которые с самого начала со всею радостью и усердием совершают заповеди: столько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей.

18. Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам; ибо я видел бывших в бегстве, которые нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли в след его, и вшедши с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод; как и противное сему случается. Опять видел я человека, который пришел во врачевницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других.

19. Никто не должен, выставляя тяжесть и множество грехов своих, называть себя недостойным монашеского обета, и ради своего сладострастия мнимо унижать себя, вымышляя извинения в грехах своих (Пс.140:4): ибо где много гнилости, там нужно и сильное врачевание, которое очистило бы скверну; а здоровые не поступают в больницу.

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим; мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию, и на великом суде Его не явиться безответными. Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно; ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах: но они много претыкаются, и получают от этого язвы. Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках; а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах.

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части¹⁴), будьте довольны оброки жен ваших. Если так будете поступать, то не далеко будете от царствия небесного».

22. С радостью и страхом приступим к доброму сему подвигу; не будем бояться врагов наших, ибо они взирают на лице нашей души, хотя сами и невидимы; и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда сии коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы утрастились. Итак вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным

борцом никто бороться не смеет.

23. Господь, по особенному промыслу

Своему облегчил брань для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас же в мир. Итак радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам, и что Он Сам вас призвал. Впрочем знаем, что Бог часто и другим образом поступает; т. е. когда Он видит мужественные души, то с самого начала попускает на них брани, желая их скоро увенчать. Но от живущих в мире Господь утаил неудобство, или лучше сказать удобство сего поприща; ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы от мира.

24. Усердно приноси Христу труды юности

твоей и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости: ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно; ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, державших огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем¹⁵), врагов сильных и никогда не спящих, невестественных и невидимых. Итак никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнуряй своего тела, чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы и самое вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу.

25. Желаящие истинно работать Христу

прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцев и собственным рассуждением, избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения: ибо не для всех полезно общежитие, по причине сластолюбия. И не все способны к безмолвию, по причине гнева¹⁶); но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам.

26. Все житие монашеское содержится

в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии. Не уклонися, говорит Екклесиаст, ни на десно, ниже на шуе (Притч.4:27), но путем царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен; – ибо тот же Екклесиаст говорит: горе единому, ибо если он падет в уныние (Еккл.4:10), или в сонливость, или в леность, или в отчаяние, то нет человека воздвигнути его. А идежде еста два или трие собрани во имя Мое, ту есть посреде их, сказал Господь (Мф.18:20).

27. Итак, кто есть инок верный и мудрый?

Кто горячность свою сохранил неугасимую, и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию, и желание к желанию.

Первая степень. Вступивший в нее не обращайся вспять.

Слово 2. О беспристрастии, то есть, отложении

попечений
и печали о мире.

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и страшном суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях; ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях, словом ни о чем земном, но отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же и прежде всего, возненавидев самую плоть свою, наг, и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: прильпе душа моя по Тебе (Пс.62:9); и по изречению иного приснопамятного: аз же не утрудихся, последуй тебе, и дне, или покоя человека не пожелах, Господи (Иер.17:16).

2. Великий стыд нам, оставившим все вышеозначенное, после призвания, которым Господь, а не человек, нас позвал, заботиться о чем-нибудь таком, что не может принести нам пользы вовремя великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Сие то значит, как Господь сказал, обратиться вспять, и не быть управлену в царствие небесное. Господь наш, зная удобопоползновенность нашу в новоначалии, и что мы, живя и обращаясь с мирскими, легко можем опять возвратиться в мир, сказавшему: повели мне пойти погребсти отца моего, говорит: остави мертвыя погребсти своя мертвецы (Лк.9:59, 60).

3. Бесы, по отречении нашем от мира, внушают нам ублажать милостивых и сострадательных из мирян, а себя окайвать, как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же сих врагов наших то, чтобы чрез ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело, по высокомерию своему уничижать живущих в мире; а иное в удалении от них, осуждать их, с тем, чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения.

4. Итак, услышим, что Господь сказал юноше оному, по-видимому исполнившему все заповеди: единаго ти недостает, продать имение и раздать нищим (Лк.18:22), и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других.

5. Все желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: оставь мертвым, то есть мирянам, умершим в суете мирской, погребать мертвых телом (Лк.9:60). Богатство нисколько не препятствовало оному юноше приступить ко крещению. Посему напрасно некоторые думают, что Господь ради крещения повелевал ему продать богатство. Этого свидетельства Христова да будет довольно для совершенного уверения нас в величайшей славе монашеского звания.

6. Должно исследовать, почему живущие

в мире, и пребывающие в бдениях, в постах и злострадании, когда, по удалении из мира, приступают к монашескому житию, как к месту испытания и подвижническому поприщу, не проходят уже прежнего своего подвига, ложного и притворного. Видел я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми, и как бы от подземного стока нечистоты напаяемые тщеславием, окапываемые самохвальством и утучняемые навозом похвал; но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мирских людей, и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах.

7. Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными. Я видал многих в мире, которые чрез попечения, заботы, занятия и бдения телесные избегали неистовства своего тела; но вступивши в монашество и обеспеченные здесь по всему, жалким образом осквернялись от плотского движения¹⁷).

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений, когда будешь обижен – терпеть мужественно; когда на тебя клеветают – не негодовать; когда унижают – не гневаться; когда осуждают – смиряться. – Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, яко тех есть царство небесное (Мф.5:3-12).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. Изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь (2Кор.6:17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это – победные почести иноков и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?

10. Когда бесы по отречении нашем начнут распалать наше сердце воспоминанием об родителях и сродниках наших, тогда вооружимся против них молитвою, и воспламеним себя памятью о вечном огне, чтобы воспоминанием об оном угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а лишившись ее, печалится сердцем, то вполне прельщает самого себя.

12. Юные, расположенные к плотской

любви и чревоугождению, если захотят вступить в монашество, должны обучать себя в нем со всяким трезвением и вниманием, и понуждать себя удаляться от всякого наслаждения и лукавства, чтобы последнее не было для них горше первого. Сие пристанище бывает причиною и спасения, и бед: это знают преплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

Степень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не жене его.

Слово 3. О странничестве, то есть, уклонении

от мира

1. Странничество есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть не дерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному возделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины.

2. В начале обыкновенно, как бы огнем божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помыслов об удалении от своих желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такого добра. Но сколь велик и достохвален сей подвиг, столь великого и рассуждения требует; ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро¹⁸.

3. Если всякий пророк без чести в своем отечестве, как сказал Господь; то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Странник есть любитель и делатель непрестанного плача. Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности, как к родным, так и к чужим.

4. Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасать вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощутивши пламень, беги; ибо не знаешь, когда он угаснет, и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу; ибо божественный Апостол говорит: темже убо кийждо нас, братие, о себе слово даст Богу. И опять: научая иного, себе ли не учиши? (Рим.2:21). Как бы сказал: все ли должны мы пещись о других, не знаю; о самих же себе всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздноскитающегося и сластолюбивого беса; ибо странничество дает ему повод искушать нас.

6. Хорошо беспристрастие, а матерь его есть уклонение от мира. Устранившийся всего ради Господа не должен уже иметь никакой связи с миром. Дабы не оказалось, что он скитается для удовлетворения своим страстям.

7. Устранившись мира, не прикасайся к нему более: ибо страсти удобно опять возвращаются.

8. Ева невольно изгоняется из рая, монах же добровольно выходит из своего отечества; ибо та снова пожелала бы вкусить от древа преслушания, а сей непременно подвергся бы беде от сродников по плоти.

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай как бича; ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем.

10. Да не скроется от тебя и следующая хитрость и лесь невидимых врагов: они советуют нам не отлучаться от мирских, внушая, что мы получим великую награду, если видя женский пол, будем себя удерживать. Но не должно им в этом покоряться, а делать противное их внушению.

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говорят, и примера и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела; а если, мы еще богаты даром слова, и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям, советуют они нам возвратиться в мир, с тем, чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижною. Беги из Египта невозвратно; ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, т. е. земли бесстрастия. Хотя тем, которые в начале, ради младенченственности духовной, оставили своих и успели совершенно очиститься, и можно с пользою возвратиться к ним, в том намерении, чтобы, как сами спаслись, так спасти и некоторых из ближних; впрочем Моисей Боговидец и Самим Богом посланный на спасение единоплеменного рода, претерпел многие беды в Египте, т. е. помрачения в мире.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей и создал, и спас нас; а те часто погубляли своих возлюбленных, и подвергали их вечной муке.

13. Странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших, или от мест, не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в сем, учителем нашим есть Сам Христос; ибо видим, что и он многократно оставлял родителей по плоти, и когда некоторые сказали; мати Твоя и братия Твоя ищут Тебе (Мк.3:32), благий наш Господь и Учитель тотчас показал бесстрастную ненависть к ним, сказавши: мати Моя и братия Моя суть творящие волю Отца Моего, Иже есть на небесех (Мф.12:49).

14. Да будет отцем твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобою для свержения бремени твоих грехов; а материю – умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом – сотрудник и

соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзей приобретаай в небесных силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. Сей есть род (т. е. сродство) ищущих Господа (Пс.23:5).

15. Любовь Божия угашает любовь к родителям; а кто говорит, что он имеет ту и другую, обманывает сам себя, ибо сказано: никто же может двумя господином работати (Мф.6:24), и проч. Не приидох, говорит Господь, мир воврещи на землю (Мф.10:34), т. е. мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, но брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных (плотских от духовных), славлюбивых от смиренномудрых; ибо Господь веселится о разделении и разлучении, бывающем из любви к Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастие к возлюбленным тобою родственникам все у тебя не явилось как бы объатым водами, и чтобы ты не погиб в потоке миролюбия. Не склоняйся на слезы родителей и друзей; в противном случае будешь вечно плакать. Когда родственники окружают тебя, как пчелы, или лучше сказать, как осы, оплакивая тебя: тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твои¹⁹), чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другою. Сии наши, или лучше не наши, лукаво обещаются сделать для нас все, что мы любим; намерение же их то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремлению, а потом уже привлечь нас к своей цели.

17. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишены случаи к утешению и тщеславию и смиренные; если же не так, то мы действуем по страсти.

18. Утаивай благородство свое и не величайся своею знатностью, чтобы не оказался ты один на словах, а другой на деле.

19. Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот Великий, который услышал: изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего (Быт.12:1), и притом был призываем в иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляет того, кто сделается странником по примеру сего Великого; но хотя сия слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитом смирения.

21. Когда бесы, или и люди будут хвалить нас за странничество, как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради нас снисшел на землю в виде странника и найдем, что мы воздать за сие во веки веков не можем.

22. Пристрастие к кому-нибудь из родственников, или из посторонних, весьма вредно; оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю: так невозможно не

подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и не-родственников.

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. Тлят бо обычаи благи беседы злыя (1Кор.15:33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обращается с мирскими людьми, или близ них пребывает, тот, без сомнения, или впадает в их дела и сети, или осквернит сердце помышлением о них; или хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

О сновидениях, бывающих новоначальным

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения; потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли; при взгляде на солнце оказывается немощь очей; а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак я думаю (впрочем не утверждаю), что после слова о странничестве и даже в самом этом слове, должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и о сем коварстве злохитрых наших врагов.

25. Сновидение есть движение ума при неподвижности тела. Мечтание есть обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет.

26. Причина, по которой мы после предшествовавшего слова решились говорить о сновидениях, очевидна. Когда мы, ради Господа, оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу: тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших или сетующих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих. Посему кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своею тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия – пророки в снах; будучи пронырливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы, по исполнении сих видений, удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслию. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком; а кто презирает его, пред теми всегда оказывается лжецом. Как дух, он видит случающееся в воздушном пространстве и, заметив например, что кто-нибудь умирает, он предсказывает это легковерным чрез сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предведению; но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть.

28. Бесы многократно преобразуются в ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести; ибо ангелы показывают нам муки, страшный суд и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не

искусен; а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и суд; а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Сия третья степень, равночисленная святой Троице.
Вступивший на нее да не озирается ни на десно ни налево (Втор.5:32)

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании

1. По порядку слова прилично нам предложить теперь о подвижниках и страдальцах Христовых; ибо как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира, телом или волею. Двумя сими добродетелями (т. е. уклонением от мира и отвержением своей воли) преподобное послушание, как златыми крылами, безленостно входит на небо: и, может быть, о сих-то крылах некоторый духоносец воспел: кто даст ми крил яко голубине, и полещу деянием, и почию (Пс.54:7) в видении и смирении.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом слове и самый образ воинствования сих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходение (в другое место); и всегда вознося меч духовный, убивают им всякую собственную волю, приближающуюся к ним, и будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы; имеют они и шлем спасения, – молитвенный покров своего наставника; ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве.

3. Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое; или наоборот, послушание есть умервщление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни во мнимо худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его²⁰). Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения.

4. Начало умервщления и душевной воли и членов тела, бывает прискорбно; середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает сей блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю; ибо страшит его бремя собственного осуждения.

5. О, вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оно получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую

сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей.

6. Когда мы, в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа, и без сомнения верить спасение наше иному: то, еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой гибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судиями, не получим никакой пользы от повиновения.

7. Желаящим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем, чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие: ибо сколько вера цветет в сердце, столько и тело успевает в служении, а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал; ибо всячески, еже не от веры, грех есть (Рим.14:23). Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, как от блуда отскочи от оногo; не давай сему змию никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: «О, прелестник! не я над наставником, а он надо мною получил суд: не я его, а он мой судья».

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву стеною, непорочные слезы умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа.

9. Послушник сам на себя произносит суд; потому что, если он совершенно повинуется ради Господа, то хотя он и не думает, что совершенно послушен, но от суда своего (т. е. обличений совести) освобождается; если же он в чем-нибудь исполняет свою волю, то хотя ему и будет казаться, что он повинуется, однако сам несет свое бремя²¹). Впрочем хорошо бы было, если бы наставник не переставал обличать его; если же он умолкнет, то не знаю уже что и сказать об этом. В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой, не навлекая на себя коварства бесов своими тонкими исследованиями.

10. Прежде всего исповедуем добродетели судии нашему согрешения наши наедине; если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают на горшее, но исцелеют.

О разбойнике покающемся.

11. Пришедши в некоторое общежитие,

видел я страшное судилище доброго судии и пастыря. В мою бытность там случилось, что один разбойник пришел, изъявляя желание вступить в монашество. Превосходный пастырь оный и врач повелел ему семь дней пользоваться совершенным покоем, и только рассматривать устройство обители. По прошествии седьмого дня, пастырь призывает его и спрашивает наедине: желает ли он остаться с ними жить? И увидев, что он со всею искренностью согласился, опять спрашивает его, что он сделал худого, живя в мире. Разбойник немедленно и со всем усердием исповедал ему все грехи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказал: «Хочу, чтобы ты объявил все это перед всем братством». Он же, истинно возненавидевши грех свой и презревши весь стыд, не колеблясь обещался исполнить сие, говоря: «Если хочешь, то сделаю это даже посреди Александрии». Тогда пастырь собрал в церковь всех своих овец, которых было триста тридцать, и во время совершения Божественной литургии (ибо день был воскресный), по прочтении Евангелия, повелел ввести сего непорочного осужденника. Некоторые из братии влекли его и слегка ударяли; руки были у него связаны назади, он был одет в волосяное вретище и голова его была посыпана пеплом, так что от одного этого зрелища все ужаснулись и воскликнули с плачем; ибо никто не знал, что все это значит. Потом, когда он был близ святых дверей, священный оный и человеколюбивый судия воззвал к нему громким голосом: «остановись, ибо ты недостойн войти сюда». Пораженный исшедшим к нему из алтаря гласом пастыря (ибо, как он после с клятвою уверял нас, ему казалось, что он слышит гром, а не голос человеческий), разбойник пал на землю, трепеща и весь потрясен был страхом. Когда он, таким образом повергшись на землю, омочил помост слезами, тогда сей чудный врач, который всеми мерами устраивал его спасение и всем подавал образ спасения и действительного смирения, повелел ему объявлять пред всеми, подробно, все сделанные им беззакония: и он с трепетом исповедал один за другим все возмутительные для слуха грехи свои, не только плотские, по естеству и против естества сделанные с людьми и животными, но и чародеяния, и убийства, и другие злодеяния, которые не следует ни слышать, ни придавать писанию. Тотчас после сей исповеди пастырь повелел его постричь и причислить к братии.

12. Удивляясь премудрости сего преподобного, я спросил его наедине, для чего он употребил столь странный образ покаяния? По двум причинам, отвечал сей истинный врач: во-первых для того, чтобы исповедавшегося настоящим посрамлением избавить от будущего; что и сбылось, ибо он, брате Иоанне, не прежде встал с помоста, как получивши прощение всех согрешений. И не сомневайся в этом: ибо один из братьев, присутствовавших при сем, уверял меня, что он видел некоторого страшного мужа, державшего писанную бумагу и трость; и как только лежащий выговаривал какой-нибудь грех свой, то он тростью своею изглаждал его. Да и справедливо; ибо Давид говорит: рех исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс.31:5). Во-вторых, как в числе братьев моих есть и такие, которые имеют согрешения неисповеданные, то я хотел сим примером побудить их к исповеданию, без которого никто не может получить прощения.

13. Видел я и другое многое достойное

удивления и памяти у достославного одного пастыря и в пастве его; и большую часть из этого постараюсь вам сообщить; ибо я не малое время находился у них, рассматривая их образ жизни и весьма удивлялся, видя, как сии жители земли подражали небожителям.

14. Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви; и что еще удивительнее, при такой любви, они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь своего брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь. Некогда один брат оклеветал пред ним ближнего: сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, т. е. видимому и невидимому.

15. Видел я у сих преподобных отцов дела поистине полезные и удивительные: братство собранное и связанное о Господе, имевшее чудесное деяние и видение, ибо они так упражняли сами себя и обучали божественным добродетелям, что почти не имели нужды в напоминании настоятеля, но добровольно возбуждали друг друга к божественной бдительности. У них были установлены и навыком утверждены некоторые преподобные и божественные обычаи. Например, если случалось, что кто-нибудь из них, в отсутствие предстоятеля, начинал укорять или осуждать кого-нибудь, или вообще празднословить: то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. Когда нужно было беседовать, то память смерти и помышление о вечном суде были всегдашними предметами их разговоров.

16. Не премину сказать вам о преславнейшей добродетели тамошнего повара. Видя, что он, в своем служении, имеет непрестанное умиление и слезы, я просил его открыть мне, каким образом он сподобился сей благодати? Будучи убежден моею просьбою, он отвечал: «Я никогда не помышлял, что служу людям, но Богу; я счел себя недостойным никакого безмолвия и, смотря на огонь сей, непрестанно вспоминаю о вечном пламени».

17. Послушаем и о другой преславной добродетели тамошних отцов. Блаженные сии и во время трапезы не прекращали умного делания; но некоторыми, обычными у них, тайными знаками, напоминали друг другу о внутренней молитве; и делали это не только на трапезе, но и при всякой встрече друг с другом, и при всяком собрании.

18. Если же кому-нибудь из них случалось пасть в какой-нибудь проступок, то братия убедительно просили его сложить на них все попечение по сему случаю, и ответ пред пастырем, и наказание. Посему и великий сей муж, зная об этом делании своих учеников, назначал уже легчайшие наказания, будучи уверен, что наказываемый не виноват; даже он и не изыскивал, кто из них подлинно впал в проступок.

19. Как могло иметь у них место празднословие или кощунство? Если кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев. Когда же замечал

в них памятозлобие, то объявлял о раздоре второму по настоятеле; и тот приводил их к примирению прежде захождения солнца. А если они упорствовали в ожесточении, то им или запрещалось вкушать пищу до примирения, или они были изгоняемы из обители.

20. Сия достохвальная предосторожность наблюдалась у них не напрасно, но приносила и оказывала обильный плод; ибо многие между сими преподобными просияли как деятельною жизнью, так и рассматрительностию, рассуждением и смиренномудрием. У них можно было видеть чудное и ангелоподобное зрелище: украшенные сединами и священнолепные старцы, как дети, притекали к послушанию и имели величайшею похвалою - свое смирение. Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда? Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым на век всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

21. Видел я и других, между сими приснопамятными, украшенных белизною ангеловидною, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упрямудренной, произвольной и Богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное, один по наружности, а другой по сердечному расположению; так простой - не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцов была не безрассудная и несмысленная, по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы; и слова и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим и на бесов и на страсти взирали твердым и строгим оком ума.

22. Времени жизни моей не достанет мне, о, священный пастырь и боголюбивое собрание, на описание добродетелей и небоподражательного жития сих блаженных отцов. Однако слово наше к вам лучше украсить повествованием об их подвигах и тем возбудить вас к Богоугодной ревности, нежели наполнять оное собственными моими наставлениями, ибо без всякого прекословия худшее украшается лучшим. Только не думайте, прошу вас, чтобы мы написали здесь что-нибудь вымышленное; ибо от неверия обыкновенно всякая польза теряется. Но возвратимся к продолжению нашего слова.

Об Исидоре.

23. Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, за несколько лет перед сим отрекшись мира, удалился в сию обитель. Всепреподобный пастырь оный, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд; посему премудрейший сий отец покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: «Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию». Исидор отвечал ему: «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение».

Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает учительный подвиг сему железному Исидору 57)

44. Рыба спешит убежать от удочки:
а душа сластолюбивая отвращается безмолвия.

45. Когда диавол хочет связать два
лица союзом постыдной любви, тогда испытывает ту и другую сторону: и потом
уже начинает возжигать огонь страсти.

46. Склонные к сладострастию часто
бывают сострадательны и милостивы, скоры на слезы и ласковы; но пекущиеся
о чистоте не бывают таковы.

47. Один мудрый муж предложил мне
страшный вопрос: «Какой грех», – сказал он, – «после человекоубийства и
отречения от Христа, есть тягчайший из всех?» И когда я отвечал: «Впасть в
ересь», – тогда он возразил: – «как же соборная Церковь принимает еретиков и
достаивает их причащения Св. Таин, когда они искренно анафематствуют свою
ересь: а соблудившего, хотя он и исповедал сей грех, и перестал делать его,
принимая, отлучает на целые годы от пречистых Таин, как повелевают
апостольские правила?» Я поражен был недоумением; а недоумение это
осталось недоумением и без разрешения⁵⁸).

48. Будем испытывать, исследовать
и наблюдать: какая сладость происходит в нас, при псалмопении, от беса блуда,
и какая от словес Духа, и заключающейся в них благодати и силы.

49. Не забывайся, юноша! Я видел,
что некоторые от души молились о своих возлюбленных будучи движимы
духом блуда, и думали, что они исполняют долг памяти и закон любви.

50. Можно осквернить тело и одним
осязанием; ибо нет ничего столь опасного, как сие чувство. Помни того,
который обвинил руку свою краем одежды,⁵⁹ (когда нес престарелую свою мать),
и удерживай чувство руки своей и не прикасайся к сокровенным и прочим
членам ни своего, ни чужого тела.

51. Думаю, что человек не может быть
назван совершенно святым, если прежде не освятит сего брения (т. е. тела), и
некоторым образом не преобразит его, если только возможно такое
преображение во временной жизни.

52. Возлеги на постель, мы наиболее
должны бодрствовать и трезвиться; потому что тогда ум наш один без тела
борется с бесами; и если он бывает сластолюбив, или исполнен
сладострастных мечтаний, то охотно делается предателем.

53. Память смерти да засыпает да и
восстает с тобою, и вместе с нею Иисусова молитва единопомышляемая; ибо
ничто не может тебе доставить столь сильное заступление во время сна, как
сии делания.

54. Некоторые утверждают, что брань
сия во время сна и истечения происходят единственно от пищи: но я видал,
что они находясь в тяжкой болезни, а другие, держа самый строгий пост, часто

были оскверняемы истечениями. Однажды я спросил об этом предмете одного из искуснейших и рассудительных иноков; и сей блаженный дал мне весьма ясное наставление. «Бывают», – говорил приснопамятный, – «истечения во сне от изобилия пищи и от излишнего покоя; а иногда от гордости, когда мы, долго пребывая свободными от истечений, этим возносимся; иногда же и от того, что осуждаем ближнего. Но от последних двух причин истечения могут случаться и с больными, а может быть и от всех трех. Если же кто чувствует, что он чист от всех сих показанных ныне причин: то блажен сей человек ради такого бесстрастия; он от одной зависти бесовской претерпевает случающееся временем, когда Бог сие на него попускает для того, чтобы безгрешным злоключением приобретал высочайшее смирение».

55. Никто в продолжении дня не представляй себе в уме случающихся во сне мечтаний; ибо и то есть в намерении бесов, чтобы сновидениями осквернять нас бодрствующих.

56. Услышим и о другом коварстве наших врагов. Как снеди, вредные для тела, по некотором времени, или день спустя производят в нас болезнь: так весьма часто действуют и причины, оскверняющие душу. Видел я наслаждающихся и не вдруг боримых; видел, что некоторые едят и пребывают с женщинами, и в то время не имеют никакого худого помышления; но когда они обольстились самонадеянностью и возмечтали, что имеют мир и утверждение, то внезапно подверглись погибели в своей келлии. А какая это погибель, телесная и душевная, которой человек может подвергаться один, знает тот, кто находился в сем искушении, а кто не был искушен, тому и знать не надобно.

57. В это время великою мощью служат нам: худая одежда, пепел, стояние всенощное, голод, жажда, палящая язык, и не многими каплями прохлаждаемая, пребывание при гробах, а прежде всего смирение сердца, и, если можно, отец духовный, или усердный брат, скорый на помощь и старый разумом: ибо я почитаю за чудо, чтобы кто-нибудь мог один сам собою спасти корабль свой от сей пучины.

58. Часто один и тот же грех, будучи сделан одним человеком, заслуживает сторишно большее наказание, нежели когда он сделан другим, судя по нраву согрешившего, по месту, где грех случился, духовному возрасту, в котором был согрешивший, и по многим другим причинам.

59. Поведал мне некто об удивительной и высочайшей степени чистоты. Некто увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца, и от одного этого видения возгорел любовью к Богу и пролили источник слез. Поистине удивительное зрелище! Что иному могло быть рвом погибели, то ему сверхъестественно послужило к получению венца славы. Если такой человек в подобных случаях всегда имеет такое же чувство и делание, то он воскрес, нетленен прежде общего воскресения.

60. Так должны мы поступать и при слушании песнопений и песней. Боголюбивые души, когда слышат пение мирских или духовных песен, исполняются чистейшего утешения, любви

божественной и слез; между тем как в сластолюбивых возбуждаются совсем противные чувства.

61. Некоторые, как мы и прежде говорили, пребывая в безмолвных местах, гораздо более бывают боримы от бесов; и сие неудивительно, потому что бесы обыкновенно пребывают там, будучи изгнаны Господом в пустыни и в бездну, ради нашего спасения. С особенною лютостию нападают на безмолвника бесы блуда, чтобы изгнать его в мир, внушивши ему, что он никакой пользы не получает от пустыни. Но когда мы пребываем в мире, они отходят от нас, чтобы мы, видя себя свободными от брани, оставались между мирскими. Итак, где мы терпим нападение от врагов, так без сомнения и сами сильно с ними боремся; а кто этой брани не чувствует, тот оказывается в дружбе со врагами.

62. Когда мы пребываем по некоторой нужде в мире, нас покрывает рука Господня; часто, может быть, и молитва отца духовного, чтобы имя Божие не хулилось через нас. Иногда сие бывает от нечувствительности и от того, что мы прежде уже много испытали то, что видим и слышим, и насытились этим; или и от того, что бесы с намерением отступают от нас, оставляя беса гордости, который один заменяет собою всех прочих.

63. Все вы, желающие обучиться чистоте, услышьте еще об одной хитрости и коварстве обольстителя души, и будьте осторожны. Некто собственным опытом изведal сей обман его, и сказывал сие, что бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение, и производит в нем источники слез, когда он сидит или беседует с женщинами, и подстрекает его учить их памятованию о смерти, о последнем суде, и хранению целомудрия, чтобы сии окаянные, прельстившись его словами и притворным благоговением, прибегнули к этому волку, как к пастырю; но окаянейший оный, от близкого знакомства получив дерзновение, наконец подвергается падению.

64. Всеми силами будем убежать, чтобы ни видеть, ни слышать о том плоде, которого мы обещались никогда не вкушать; ибо удивляюсь, если мы считаем себя крепчайшими пророка Давида; чему быть невозможно.

65. Похвала чистоты столь велика и высока, что некоторые из отцов осмелились назвать ее бесстрашием.

66. Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым; а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно привить дикую маслину к доброй. И если бы ключи царства небесного были вверены девственнику по телу, то мнение оное, может быть, имело бы основательность. Но да постыдит умствующих таким образом тот, кто имел тещу, а был чист и носил ключи царствия.

67. Змий сладострастия многообразен; невкусившим сласти греха он внушает, чтобы только однажды вкусили ее и перестали; а вкусивших коварный побуждает воспоминанием опять к совершению греха. Многие из первых, поелику не знают зла сего, бывают

свободны и от борьбы; а из последних многие, как познавшие опытом сию мерзость, терпят стужение и брани. Впрочем часто случается и совсем противное этому.

68. Иногда восстаем мы от сна чисты и мирны, и это бывает тайным благодеянием, которое мы получаем от св. Ангелов, особенно когда мы уснули со многою молитвою и трезвением; иногда же встаем нечистыми и смущенными; причиною же сего бывают худые сновидения.

69. Видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры Ливанския, и как от мятется и неистовствует против меня; и мимо идох воздержанием, и се не бе, как прежде ярость его; и взысках его, смирив помысл мой, и не обретеса место его во мне, или след его (Пс.36:35).

70. Кто победил тело, тот естество победил; победивший же естество, без сомнения, стал выше естества; а такой человек малым чим, или, если можно так сказать, ничем не умален от Ангел (Пс.8:6).

71. Нет ничего чудного, если невещественный борется с невещественным; но то поистине великое чудо, что дух, облеченный в вещество, враждебное ему и борющееся с ним, побеждает врагов невещественных.

72. Благий Господь, и в том являет великое о нас промышление, что бесстыдство женского пола удерживает стыдом, как бы некою уздою; ибо если бы женщины сами прибегали к мужчинам, то не спаслась бы никакая плоть.

73. По определению рассудительных отцов, иное есть прилог, иное – сочетание, иное – сосложение, иное – пленение, иное – борьба, и иное, так называемая – страсть в душе. Блаженные сии определяют, что прилог есть простое слово, или образ какого-нибудь предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце; а сочетание есть собеседование с явившимся образом, по страсти или бесстрастно; сосложение же есть согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением, пленение есть насильственное и невольное увлечение сердца, или продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше доброе устройство; борьбою называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает, или бывает побеждаем; страстию называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе, и чрез навык сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится. Из всех сих первое безгрешно; второе же не совсем без греха; а третье судится по устройению подвизающегося; борьба бывает причиною венцов или мучений; пленение же иначе судится во время молитвы, иначе в другое время, иначе в отношении предметов безразличных, т. е. ни худых, ни добрых, и иначе в худых помышлениях. Страсть же без сомнения подлежит во всех, или соразмерному покаянию, или будущей муке; но кто первое (т. е. прилог в мысли), помышляет бесстрастно,⁶⁰ тот одним разом отсекает все последнее.

74. Просвещеннейшие и рассудительнейшие

из отцов приметили еще иной помысл, который утонченнее всех вышепоказанных. Его называют набегом мысли; и он проходит в душе столь быстро, что без времени, без слова и образа мгновенно представляет подвизающемуся страсть. В плотской брани между духами злобы ни одного нет быстрее и неприметнее сего. Он одним тонким воспоминанием, без сочетания, без продолжения времени, неизъяснимым, а в некоторых даже неведомым образом, вдруг является своим присутствием в душе. Кто плачем успел постигнуть такую тонкость помысла, тот может нас научить: каким образом, одним оком, и простым взглядом, и осязанием руки, и слышанием песни, без всякой мысли и помысла душа может любодействовать страстно.

75. Некоторые говорят, что страсти входят в тело от помыслов сердца; а другие напротив утверждают, что худые помыслы рождаются от чувств телесных. Первые говорят, что если бы не предшествовал ум, то и тело не последовало бы; последние же приводят в зашишение своего мнения зловерное действие телесной страсти, говоря, что весьма часто худые помыслы получают вход в сердце от приятного взгляда, или от слышания приятного голоса. Кто мог познать сие о Господе, тот и нас на научит: ибо все это весьма нужно и полезно для тех, которые разумно проходят духовное делание. В простоте же и правоте сердца пребывающим делателям нет в этом никакой надобности; ибо не все могут иметь тонкое ведение, и не все блаженную простоту, сию броню против всех ухищрений лукавых бесов.

76. Некоторые из страстей, родившись в душе, переходят в тело; а некоторые наоборот. Сие последнее случается обыкновенно с мирскими, а первое с проходящими монашеское житие, по неимению к тому случаев. Что касается до меня, я скажу о сем: взыщеша в злых разума, и не обрящеша ([Притч.14:6](#)).

77. Когда после долгого подвига против беса блуда, единомышленника нашей бренной плоти, мы изгоним его из сердца нашего, изранивши его камнем поста и мечом смирения: тогда сей окаянный, как червь некий, пресмыкаясь внутри нашего тела, будет стараться осквернить нас, подстрекая на безвременные и непристойные движения.

78. Сему же наиболее подвержены те, которые покоряются бесу тщеславия; ибо они, видя, что уже не часто возмущаются в сердце своем блудными помыслами, преклоняются к тщеславию; а что это справедливо, в том сами они могут увериться, когда, удалившись на время в безмолвие, будут внимательно испытывать самих себя. Они непременно найдут, что в глубине из сердца скрывается некий тайный помысл, как змей в гноище, который в некоторой степени чистоту внушает им приписывать собственному тщанию и усердию, не давая сим окаянным подумать о словах Апостола: что имаши, егоже неси приял ([1Кор.4:7](#)) туне, или непосредственно от Бога, или помощью других и посредством их молитвы. Итак, да внимают они себе, и да стараются о том, чтобы умертвить вышепоказанного змия многим смиренномудрием, и извергнуть его из сердца; дабы, избавившись от него, возмogli и они некогда совлечься кожаных риз (сладогостия) и воспеть Господу победную песнь чистоты, как некогда оные

Евангельские целомудренные дети. И без сомнения воспоют, аще совлекшеся не нази обрящутся незлобия и смирения, свойственного младенцам (2Кор.5:3).

79. Сей бес тщательнее всех других наблюдает времена, какие удобнее для уловления нас; и когда видит, что мы не можем помолиться против него телесно, тогда сей нечистый в особенности старается нападать на нас.

80. Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, в телесной молитве способствует подвиг понуждения, например: распростертие рук, биение в грудь, умиленное взирание на небо, глубокие воздыхания, и частое преклонение колен. Но как часто случается, что они в присутствии других людей не могут сего делать, что бесы и стараются тогда на них нападать; а так как они еще не в силах противиться им мужеством ума и невидимую силою молитвы, то, может быть, по нужде и уступают борющимся их. В таком случае, если можно, скорее отойти от людей, скройся на малое время в тайное место, и там возри на небо, если можешь, душевным оком, а если нет, то хоть телесным; прости крестовидно руки, и держи их неподвижно, чтобы и сим образом посрамить и победить мысленного Амалика. Возопий к Могущему спасти, и возопий не красноречивыми словами, но смиренными вещаниями, начиная прежде всего сим воззванием: помилуй мя, яко немощен есмь (Пс.6:3). Тогда опытом познаешь силу Всевышнего, и невидимую помощь невидимо обратишь в бегство невидимых (врагов). Кто обучился таким образом с ними бороться, тот вскоре начнет и одною душою отгонять сих врагов; ибо Господь дает делателям сие второе дарование, в награду за первые подвиги. И справедливо!

81. Бывши негде в собрании, я заметил, что на одного тщательного брата напали нечистые помыслы; и как ему не нашлось приличного места, где бы тайно от других помолиться, то он вышел, как бы по естественной нужде, и там произнес усердную молитву на сих супостатов. И когда я ему выговаривал за неприличность места к молитве, он отвечал: «О прогнании нечистых помыслов я и молился в нечистом месте, чтобы очиститься от скверны».

82. Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше не будет похищено; но блудный бес гораздо больше всех употребляет это средство. Часто помрачив ум, сего владыку, он побуждает и заставляет нас и пред людьми делать то, что одни только сумасшедшие делают. Когда же, спустя несколько времени, ум истрезвится, тогда мы стыдимся не только видевших наши бесчинные действия, но и самих себя, за непристойные наши поступки, разговоры и движения, и ужасаемся о прежнем нашем ослеплении; почему некоторые, рассуждая о сем, нередко отставали от этого зла.

83. Отвращайся от сего супостата, когда он, по соделании тобою вышеописанных поступков, возбраняет тебе молиться, упражняться в благочестивых делах, и пребывать во бдении; и поминай Того, Который сказал: зане творит ми труды душа сия, мучимая порочными навыками, сотворю отмщение ея от врагов ея (Лк.18:5).

84. Кто победит свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого; ибо как не быть сокрушенным тому, кто умер своей воле?

85. Между страстными бывает один страстнее другого; и некоторые самые скверны свои исповедуют со сладострастием и услаждением. Нечистые и постыдные помышления обыкновенно рождаются в сердце от беса блуда, сего сердце-обольстителя; но их исцеляет воздержание и вменение их ни во что.

86. Каким образом и способом связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? Не знаю. Прежде, нежели успею связать ее, она уже разрешается; прежде, нежели стану судить ее, примиряюсь с нею; и прежде, нежели начну мучить, преклоняюсь к ней жалостию. Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить? Как освобожусь от той, с которою я связан навеки? Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною? Как сделать нетленную ту, которая может противоположить мне столько естественных возражений? Если свяжу ее постом, то, осудив ближнего, снова предаюсь ей; если, перестав осуждать других, побеждаю ее, то, вознесшись сердцем, опять бываю ею низлагаем. Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя; моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее, изнемогает. Упокоиваю ли ее, бесчинствует. Обременяю ли, не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объеблю ее. Какое это во мне таинство? Каким образом составилось во мне это соединение противоположностей? Как я сам себе и враг, и друг? Скажи мне, супруга моя – естество мое; ибо я не хочу никого другого, кроме тебя, спрашивать о том, что тебя касается; скажи мне, как могу я пребывать неуязвляем тобою? Как могу избежать естественной беды, когда я обещался Христу вести с тобою всегдашнюю брань? Как могу я победить твое мучительство, когда я добровольно решил быть твоим понудителем? Она же, отвечая душе своей, говорит: «Не скажу тебе того, чего и ты не знаешь; но скажу то, о чем мы оба разумеем. Я имею в себе отца своего самолюбие. Внешние разжжения происходят от угождения мне и от чрезмерного во всем покоя; а внутренние от прежде бывшего покоя и от сладострастных дел. Зачавши, я рождаю падения; они же, родившись, сами рожают смерть отчаянием. Если явственно познаешь глубокою мою и твою немощь; то тем свяжешь мои руки. Если гортань умочишь воздержанием; то свяжешь мои ноги, чтобы они не шли вперед. Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня; а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову».

Пятнадцатая степень. Кто, будучи во плоти, получил и здесь победную почесть, тот умер и воскрес, и еще здесь познал начало будущего нетления.

Слово 16. О сребролюбии.

1. Большая часть премудрых учителей,

после описанного нами сладострастного мучителя, полагают обыкновенно сего тмоглавного беса сребролюбия. Чтобы и нам, немудрым, не изменить порядка премудрых, восхотели и мы последовать тому же распределению и правилу. Итак, если угодно, поговорим немного о сем недуге, а потом скажем вкратце и о врачевании.

2. Сребролюбие есть поклонение идолам, дочь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель о бездожде.

3. Сребролюбец есть хулитель Евангелия, и добровольный отступник. Стяжавший любовь расточил деньги; а кто говорит, что имеет и то и другое, тот сам себя обманывает.

4. Оплакивающий себя самого, даже и тела своего отвергся и не щадит его в случае нужды.

5. Не говори, что собираешь деньги ради нищих; ибо и две лепты вдовицы купили царство небесное.

6. Страннолюбец и сребролюбец друг с другом встретились; и второй назвал первого безрассудным.

7. Победивший страсть сию отсекал попечения; а связанный ею никогда не молится чисто.

8. Сребролюбие начинается под видом раздаяния милостыни, а оканчивается ненавистию к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги; а как скоро накопил их, так и сжал руки.

9. Видел я нищих деньгами, которые, в сожителстве с нищими духом, обогатившись духовно и забыли первую свою нищету.

10. Монах, любящий деньги, чужд лени; он ежечасно вспоминает слово апостола: праздный да не яст (2Сол.3:10); и другое: руже сии послужите мне и сущим со мною (Деян.20:34).

Шестнадцатая борьба. Кто в ней одержал победу, тот или любовь Божию приобрел, или отсекал суетные попечения

Слово 17. О нестяжании.

1. Нестяжание есть отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозбранное путешествие, вера заповедям Спасителя; оно чуждо печали.

2. Нестяжательный инок есть владыка над миром, вверивший Богу попечение о себе, и верою стяжавший всех своими рабами. Он не будет говорить человеку о своей нужде; а что приходит, то принимает, как от руки Господней.

3. Нестяжательный подвижник есть сын беспристрастия, и что он получает, то считает за ничто. Если случится ему куда-либо отойти, все вменяет за уметы. Если же печалится о чем-нибудь, то еще не сделался нестяжательным.

4. Нестяжательный муж молится чистым умом; а любостяжательный во время молитвы представляет образы вещества.

5. Пребывающие в повиновении чужды сребролюбия; ибо когда они и тело свое предали, то что уже будут считать своею собственностью? Тем только лишаются они пользы, что удобны и готовы к переходам с места на место. Видел я, что вещество родило монахам терпение, чтобы пребывать на одном месте; но я больше их ублажил скитающихся ради Господа.

6. Вкусивший вышних благ легко презирает земные; невкусивший же первых радуется о стяжании последних.

7. Безрассудно нестяжательный лишается двойкой пользы: и настоящих благ удаляется, и будущих лишается.

8. О монахи! не будем невернее птиц, которые не пекутся и не собирают.

9. Велик благочестиво отвергший свое имение, но свят, кто отвергается своей воли. Первый сторицею имение и или дарованиями обогатится; а последний жизнь вечную наследует.

10. Волны не оставят моря; а сребролюбца не оставят гнев и печаль.

11. Презревший вещество избавился от словооправданий и прекословий; любостяжательный же за иглу готов состязаться до смерти.

12. Непокколебимая вера отсекает суетные попечения; а память о смерти научает отвергаться и тела.

13. В Иове не было и следа сребролюбия; потому-то он, и всего лишившись, пребыл без смущения.

14. Сребролюбие есть и называется корень всем злым (1Тим.6:10); и оно действительно такого, ибо производит ненависть, хищения, зависть, разлучения, вражды, смущения, злопамятство, жестокость и убийства.

15. Малым огнем сожгли некоторые много вещества; и одною добродетелию избежали многие всех вышеписанных страстей: эта добродетель называется беспристрастием. Она рождается в нас от опытного ведения и вкушения Божественного разума, и от попечения о страшном ответе во время исхода из сего мира.

16. Со вниманием прочитавший слово об объедении, сей матери толиких зол, не ведает, что в пагубном и проклятом своем чадородии оно назвало вторым своим исчадием камень нечувствия. Но я не мог дать ему места, по порядку ему принадлежащего, быв обязан говорить прежде о многоглавом змие идолослужения, который у рассудительнейших отцов получил третье звено в цепи восьми главных страстей. Теперь, окончивши умеренное об нем слово, мы намерены говорить о нечувствии, занимающем по порядку третье место, а по происхождению второе. Потом будем говорить о сне и о бдении; а также и о детской малодушной боязливости побеседуем кратко; ибо все сии недуги свойственны

новоначальным.

Степень семнадцатая. Кто на нее взошел, тот шествует на небо, совлекшись вещества.

Слово 18. О нечувствии.

1. Нечувствие, как телесное, так и душевное, есть омертвление чувства от долговременного недуга и нерадения, окончившееся нечувствием.

2. Безболезненность есть обратившееся в природу нерадение, оцепенение мысли, порождение худых навыков, сеть усердию, силок мужеству, незнание умиления, дверь отчаяния, мать забвения, которая, родив дочь свою, снова бывает ее же дщерью; это – отвержение страха Божия.

3. Бесчувственный есть безумный мудрец, учитель, осуждающий себя самого, любослов, который говорит против себя; слепец, учащий видеть; беседует о врачевании язвы, а между тем, беспрестанно чешет и растравляет ее; жалуется на болезнь, и не отстаёт от вредных для него снедей; молится о своем избавлении от страсти, и тотчас исполняет ее на самом деле; за совершение ее гневается сам на себя, и не стыдится слов своих, окаянный. «Худо я поступаю», вопиет, и усердно продолжает делать злое. Устами молится против своей страсти, а делом для нее подвизается. О смерти любомудрствует, а живет как бессмертный. Вздыхает о разлучении души с телом, а сам пребывает в дремоте, как бы был вечный. О воздержании беседует, а стремится к объедению. Читает слово о последнем суде, и начинает смеяться. Читает слово против тщеславия, и самым чтением тщеславится. Говорит о бдении, и тотчас погружается в сон. Хвалит молитву, и бегаёт от нее, как от бича. Послушание ублажает, а сам первый преступник. Беспристрастных хвалит, а сам не стыдится за рубище памятозлобствовать и ссориться. Разгневавшись, огорчается, и опять за самое это огорчение на себя гневается: и прилагая побеждение к побеждению, не чувствует. Пресытившись, раскаивается; и немного спустя опять прилагает насыщение к насыщению. Ублажает молчание, но восхваляет его многословием. Учит кротости, но часто в самом том учительстве гневается, и за огорчение свое опять на себя гневается. Воспрянув от греховного усыпления, вздыхает; но, покивав головою, снова предается страсти. Осуждает смех, и учит о плаче, смеясь. Порицает себя перед некоторыми, как тщеславного, и тем порицанием покушается снискать себе славу. Сладострастно смотрит на лица, и между тем беседует о целомудрии. Пребывая в мире, хвалит безмолвствующих; а того не понимает, что он этим посрамляет себя самого. Славит милостивых, а нищих поносит. Всегда сам себя обличает, и придти в чувство не хочет, чтобы не сказать, что не может.

4. Видал я много таких людей, которые, слушая слово о смерти и страшном суде, проливали слезы; а потом, когда слезы еще были в очах их, со тщанием спешили на трапезу. Я подивился тому, каким образом госпожа она, смрадная страсть объедения, будучи укрепляема долговременным бесчувствием, могла победить и плач.

5. По мере немощной моей силы, я объяснил коварства и язвы сей безумной и неистовой, каменистой и жестокой страсти; ибо я не намерен много против нее распространяться. Могущий же о Господе от опыта своего приложит врачевания к сим язвам, да не обленится это сделать; я же не стыжусь исповедать мою немощь в этом деле, будучи сам одержим крепкою оною страстию. Я не мог бы сам собою постигнуть хитростных козней ее, если бы не настиг ее негде, силою не задержал ее, и муками не принудил ее исповедать все вышесказанное, бив ее мечом страха Господня и непрестанною молитвою. Потому-то сия злоторная мучительница и говорила мне: союзники мои, когда видят мертвых, смеются; стоя на молитве, бывают совершенно окаменелыми, жестокосердыми и омраченными. Пред священною трапезою Евхаристии остаются бесчувственными; и даже, причащаясь сего небесного дара, как бы простой хлеб вкушают. Когда я вижу людей, предстоящих с умилением, то ругаюсь над ними. От отца, родившего меня, научилась я убивать все доброе, рождающееся от мужества и от любви. Я мать смеха; я питательница сна; я друг пресыщению: я неразлучна с ложным благоговением; и когда меня обличают, я не чувствую скорби.

6. От слов сей неистовой страсти я окаянный ужаснулся, и спросил о имени родившего ее. Она мне сказала: «Рождение у меня не одно: зачатие мое смешано и неопределенно. Насыщение меня укрепляет, время возвращает, а худой навык утверждает; одержимый им никогда от меня не освободится. Если ты со многим бдением соединишь размышление о вечном суде, то, может быть, дам тебе малую ослабу. Смотри, от какой причины я в тебе родилась, и против матери моей подвизайся; ибо я не во всех бываю от одной причины. Молись часто при гробах, и неизгладимо напечатлевай в сердце своем их образы; если же сие не будет в тебе начертано кистию поста, то никогда не победишь меня».

Слово 19. О сне, о молитве и псалмопении в соборе

братий.

1. Сон есть некоторое свойство природы, образ смерти, бездействие чувств. Сон сам по себе один и тот же; но он, как и похоть, имеет многие причины: происходит от естества, от пищи, от бесов, и, может быть, от чрезмерного и продолжительного поста, когда изнемогающая плоть хочет подкрепить себя сном.

2. Как много пить зависит от привычки, так и много спать. Потому-то и должно нам, особенно в начале нашего подвига, подвизаться против сна; ибо трудно исцелить давний навык.

3. Начнем наблюдать и найдем, что когда, по гласу духовной трубы (колокола), видимо собираются братия, невидимо стекаются душевные враги. Они приступают к постели, когда мы встали, и подушают нас снова лечь на нее, говоря: «Подожди, пока кончатся начальные песни, и тогда пойдешь в церковь». Другие предстоящих на молитве погружают в сон. Иные производят сильные и безвременные движения в животе. Иные побуждают заводить в церкви разговоры. Другие отвлекают ум наш в скверные помыслы. Иные заставляют нас, как изнемогших,

опираться о стену, а иногда наводят весьма частую зевоту. Некоторые же возбуждают в нас во время молитвы смех, чтобы чрез сие подвигнуть Бога к негодованию на нас. Иные побуждают нас от лени спешить псалмопении. Другие убеждают петь медленнее от самоуслаждения; а иногда сидят при устах наших и заключают их, так что мы едва можем их открыть.

4. Но кто в чувстве сердца помышляет, что он предстоит Богу, тот в молитве будет, как столп неподвижный, и ничем из прежде сказанных не будет поруган.

5. Часто истинный послушник, став на молитву, вдруг исполняется света и радости; потому что подвижник сей был приготовлен к сему и предочищен⁶¹ нелицемерным послушанием.

6. Все могут молиться со множеством братьев; но для многих приличнее совершать молитву с одним единомышленным братом; ибо немного таких, которые могут молиться наедине

7. Поя со множеством, не возможешь помолиться невещественно. Во время чтения и пения ум твой да будет занят разумением слышимых слов или определенной молитвою, в ожидании ближнего стиха.

8. Никто не должен во время молитвы заниматься рукоделем, и в особенности работой. Ясное наставление об этом преподал Ангел великому Антонию⁶².

9. В горниле искушается золото, а предстояние на молитве искушает усердие и любовь к Богу в монахах.

Кто приобрел похвальное дело молитвы, тот приближается к Богу и избегает бесов.

Слово 20. О бдении телесном: как мы чрез него достигаем

духовного, и как должно оное проходить.

1. Земным царям предстоят иные просто и без оружия, другие с жезлами, иные со щитами; некоторые же с мечами. Великое и несравненное превосходство первых пред последними, потому что первыми бывают обыкновенно сродники и домашние царицы. Так бывает у земных царей.

2. Приидите теперь, увидим, как и мы исправляем предстояние наше перед Богом и Царем в вечерних, дневных и ночных молитвах. Ибо некоторые воздевают руки на молитву в вечерних и всенощных бдениях, как невещественные и чуждые всякого попечения; другие же предстоят тогда Богу с псалмопением; иные трудятся в чтении священных Писаний; иные, по немощи, но мужественно борются со сном посредством рукоделия; иные, упражняясь в размышлении о смерти, хотят чрез это приобрести умиление. Из всех сил подвижников первые и последние упражняются в Боголюбезном бдении; вторые в исправлениях, общих всем монахам; прочие шествуют низшим путем. Однако Бог приемлет дары, и ценит их, смотря по расположению и силе каждого.

3. Бодрственное око очищает ум, а

долгий сон ожесточает душу.

4. Бодрый инок – враг блуда, сонливый же друг ему.

5. Бдение есть погашение плотских разжжений, избавление от сновидений, исполнение очей слезами, умягчение сердца, хранение помыслов, лучшее горнило для сварения принятой пищи, укрощение злых духов, обуздание языка, прогнание мечтаний.

6. Бдительный инок есть ловец помыслов, могущий удобно их усматривать и уловлять в тишине ночи.

7. Боголюбивый монах, когда гласит молитвенная труба, говорит: «Слава Богу, слава Богу!», а ленивый говорит: «Увы, увы!»

8. Приготовление трапезы обнаруживает чревоугодников; а молитвенный подвиг показывает боголюбивых; первые, увидевши трапезу, радуются, а последние сетуют.

9. Излишество сна – причина забвения; бдение же очищает память.

10. Богатство земледельцев собирается на гумне и точиле; а богатство и разум монахов в вечерних и ночных предстояниях Богу и в деланиях ума.

11. Многий сон есть неправедный сожитель, похищающий у ленивых половину жизни, или еще больше.

12. Неискусный монах в беседах бывает бодр; а когда настал час молитвы, тогда и глаза его отяготились сном.

13. Нерадивый монах искусен в многословии; а когда пришло время чтения, от дремоты смотреть не может. Когда возгласит последняя труба, будет воскресение мертвых; а когда начнется празднословие, возбуждаются сонливые.

14. Мучительный дух сонливости есть коварный друг: часто, когда мы пресыщены, он удаляется, а во время поста, во время алчбы и жажды, сильно на нас нападает.

15. Во время молитвы он подушает взяться за рукоделье; ибо иначе не может погубить молитву бдящих.

16. Особенно же он воздвигает брань против новоначальных, чтобы они разленились при самом начале подвига, или чтобы приготовить вход бесу блуда.

17. Доколе не освободимся от сего духа, дотоле мы не должны отрицаться от пения псалмов в соборе братий; ибо мы часто и от стыда не дремлем. Пес враждует против зайца; а бес тщеславия есть враг сонливости.

18. Купец считает свой прибыль по прошествии дня; а духовный подвижник по совершении псалмопения.

19. Внимай себе трезвенно после молитвы, и увидишь, что толпы бесов, побежденных нами, стараются после молитвы

осквернить нас нечистыми мечтаниями. Итак сядь и наблюдай, и ты увидишь обыкших похищать начатки душевного делания

20. От частого псалмопения, во время бодрственного состояния, бывает то, что и во сне приходят на ум слова псалмов; иногда же случается, что и бесы представляют их нашему воображению, чтобы привести нас в гордость. О третьем же состоянии душевном я хотел умолчать, но некто убедил меня говорить⁶³). Душа, которая днем непрестанно поучается слову Божию, обыкновенно и во сне упражняется в том же; ибо сие второе бывает истинным воздаянием за первое делание, для отгнания духов и лукавых мечтаний.

Двадцатая степень. Восшедший на нее принял в сердце своем свет.

Слово 21. О малодушной боязливости, или страховании.

1. Если ты с другими или в общежитии проходишь подвиг добродетелей, то боязливость не очень будет на тебя нападать: если же ты подвизаешься в местах безмолвнейших, то смотри, чтобы не овладела тобою сия дочь неверия и порождение тщеславия.

2. Боязливость есть младенческий нрав в старой тщеславной душе. Боязливость есть уклонение от веры, в ожидании нечаянных бед.

3. Страх есть предвоображаемая беда; или иначе, страх есть трепетное чувство сердца, тревожимое и сетующее от представления неведомых злоключений. Страх есть лишение твердой надежды.

4. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей, и самых теней.

5. Плачущие и болезнующие о грехах своих не имеют страхований; а страшливые часто лишаются ума; и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляет гордых, чтобы и прочих научить не возноситься.

6. Все боязливые тщеславны, но не все небоящиеся смиренномудры; ибо случается, что и разбойники, и гробокопатели не боятся.

7. Не ленись в самую полночь приходить в те места, где ты боишься быть. Если же ты хоть немного уступишь сей младенческой и смеха достойной страсти, то она состарится с тобою. Но когда ты пойдешь в те места, вооружайся молитвою; пришедши же, распрости руки, и бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнеего оружия, ни на небе, ни на земле. А избавившись от сего недуга, восхваляй Избавившего; ибо когда ты будешь Его благодарить, то и Он во век будет покрывать тебя.

8. Нельзя в одну минуту насытить чрево; так нельзя и боязливость победить скоро. По мере усиления в нас плача, она от нас отходит; а с уменьшением оно увеличивается в нас.

9. Устрашишася ми власи и плоти (Иов.

4:15), говорил Елифаз, возвещая о коварстве сего беса. Иногда душа, а иногда плоть прежде поражается страхом, и потом страсть сию одна другой передают. Если плоть устрашилась, а в душу не вошел сей безвременный страх, то близко избавление от этого недуга. Если же мы, от сокрушения сердца, с преданностью Богу, усердно ожидаем от Него всяких непредвидимых случаев, то мы воистину освободились от боязливости.

10. Не пустыня и мрачность места укрепляет бесов против нас, но бесплодие нашей души; иногда же это бывает промыслительно к вразумлению нашему.

11. Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится.

12. Когда злой дух приступает невидимо, тогда боится тело; а когда приступает Ангел, тогда радуется душа смиренного. Итак, когда мы по этому действию узнаем пришествие Ангела Божия, то скорее восстанем на молитву: ибо добрый хранитель наш пришел помолиться вместе с нами.

Слово 22. О многообразном тщеславии.

1. Некоторые имеют обыкновение писать о тщеславии во особенной главе и отделять оное от гордости; посему и говорят они, что начальных и главных греховных помыслов восемь. Но Григорий Богослов и другие насчитывают их семь⁶⁴. С ними и я более согласен; ибо кто, победив тщеславие, может быть обладаем гордостью? Между сими страстями такое же различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость конец. Итак, по порядку слова, скажем теперь вкратце о нечестивом возношении, о сем начале и исполнении всех страстей; ибо кто покусился бы пространно о сем предмете любомудрствовать, то уподобился бы человеку, который всуе старается определить вес ветров.

2. Тщеславие, по виду своему, есть изменение естества, развращение нравов, наблюдение укоризн. По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждет собрания пшеницы, а тщеславие собрания богатства: ибо тот радуется, что будет красть; а сие, что будет расточать.

3. Дух отчаяния веселится, видя умножение грехов; а дух тщеславия, когда видит умножение добродетелей; ибо дверь первому множество язв, а дверь второму изобилие трудов.

4. Наблюдай и увидишь, что непотребное тщеславие до самого гроба украшается одеждами, благовониями, многочисленною прислугою, ароматами и тому подобным.

5. Всем без различия сияет солнце: а тщеславие радуется о всех добродетелях. Например: тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание,

опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх.

6. Тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога; но в самом деле угождает не Богу, а людям.

7. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой.

8. Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый, что изнуряет тело, а второй, что не получает за это награды.

9. Кто не посмеется делателю тщеславия, которого сия страсть, во время предстояния на псалмопении, понуждает иногда смеяться, а иногда пред всеми плакать?

10. Господь часто скрывает от очей наших и те добродетели, которые мы приобрели; человек же хвалящий нас, или, лучше сказать, вводящий в заблуждение похвалою, отверзает нам очи; а как скоро они отверзлись, то и богатство добродетели исчезает.

11. Лстец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. Блажащий вас, льстят вы (Ис.3:12), говорит Пророк.

12. Людям великим свойственно переносить обиды мужественно и с радостью, святым же и преподобным – выслушивать похвалу без вреда.

13. Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и как случается в торговле, променяли одну страсть на другую.

14. Никтоже весть яже в человеце, точию дух человека (1Кор.2:11). Итак, пусть посрамляются и обуздываются те, которые покушаются ублажать нас в лице.

15. Когда услышишь, что ближний твой, или друг, укорил тебя в отсутствии или в присутствии твоём: тогда покажи любовь, и похвали его.

16. Великое дело отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее – отратить от себя похвалу бесовскую.

17. Не тот показывает смиренномудрие, кто осуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?); но тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви.

18. Приметил я, что бес тщеславия, внушив одному брату помыслы, в то же время открывает их другому, которого подстрекает объявить первому брату, что у него на сердце, и чрез то ублажает его, как прозорливца. Иногда сей нечистый прикасается даже к членам тела, и

производит трепет.

19. Не внимай ему, когда он внушает тебе желание быть епископом, или игуменом, или учителем; ибо трудно отогнать пса от мясопродажного стола.

20. Когда он видит, что некоторые приобрели хотя несколько мирное устройство, то тотчас побуждает их идти из пустыни в мир, и говорит: «Иди на спасение погибающих душ».

21. Иной вид эфиопа, и иной истукана: так и образ тщеславия иной у пребывающих в общежитии, и иной у живущих в пустынях⁶⁵).

22. Тщеславие побуждает легкомысленных монахов предупреждать пришествие мирских людей, и выходить из обители на встречу идущих; научает припадать к ногам их, и, будучи исполнено гордости, облакается в смирение; в поступках и в голосе показывает благоговение, смотря на руки пришедших, чтобы от них что-нибудь получить; называет их владыками, покровителями и подателями жизни по Боге; во время трапезы побуждает их воздерживаться перед ними, и повелительно обращаться с низшими; на псалмопении же ленивых делает ревностными и безголосных хорошо поющими, и сонливых бодрыми: льстит уставщику и просит дать ему первое место на клиросе, называя его отцом и учителем, пока не уйдут посетители.

23. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, а презираемых памятозлыми.

24. Тщеславие часто бывает причиною бесчестия, вместо чести; ибо разгневавшимся ученикам своим приносит великий стыд.

25. Тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми.

26. Оно весьма удобно присоединяется к естественным дарованиям, и чрез них нередко низвергает окаянных рабов своих.

27. Видел я, как один бес опечалил и прогнал брата своего. Один монах рассердился, а между тем пришли мирские; и вдруг окаянный сей, оставив гнев, перепродал себя тщеславию; ибо не мог в одно время служить обеим страстям.

28. Монах, сделавшийся рабом тщеславия, ведет двойственную жизнь, по наружности пребывая в монастыре, а умом и помышлениями в мире.

29. Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкушивши первой, мог презреть последнюю.

30. Часто случается, что мы, будучи ограждены тщеславием, а потом обратившись, и сами быстроумнее окрадываем оное. Я видел некоторых по тщеславию начавших духовное делание, но хотя и порочное

положено было начало, однако конец вышел похвальный, потому что переменялась их мысль.

31. Кто возносится естественными дарованиями, т. е. остроумием, понятливостию, искусством в чтении и произношении, быстротою разума, и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо неверный в малом – и во многом неверен и тщеславен.

32. Некоторые для получения крайнего бесстрастия и богатства дарования, силы чудотворения и дара прозорливости всуе изнуряют тело свое; но сии бедные не знают того, что не труды, но более всего смирение есть мать этих благ.

33. Кто просит у Бога за труды свои дарований, тот положил опасное основание; а кто считает себя должником, тот неожиданно и внезапно обогатится.

34. Не повинуйся ваятелю сему, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; какая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душу же свою отщетит (Мф.16:26)? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтобы они не возносились; а что может быть полезнее сего?

35. Некто из прозорливцев сказал мне виденное им. «Когда я, говорил он, сидел в собрании братьев, бес тщеславия и бес гордости пришли и сели при мне, по ту и по другую сторону; и первый толкал меня в бок тщеславным своим перстом, побуждая меня рассказать о каком-нибудь моем видении, или делании, которое я совершил в пустыне. Но как только я успел отразить его, сказав: да возвратятся вспять и постыдятся мыслящий ми злая (Пс.39:15); тотчас же сидевший по левую сторону говорит мне на ухо: благо же, благо же ты сотворил, и стал велик, победив бесстыднейшую мать мою. Тогда я, обратившись к нему, произнес слова следующие по порядку после сказанного мною стиха: да возвратятся абие стыдящиеся, глаголющие ми: благо же, благо же сотворил еси (Пс.49:16)». Потом спросил я того же отца, как тщеславие бывает матерью гордости? Он отвечал мне: «Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до небес, и низводит до бездн».

36. Есть слава от Господа, ибо сказано в Писании: Прославляющие Мя прославлю (1Цар.2:30); и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: горе егда добре рекут вам вси человецы (Лк.6:26). Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу, как на вредное для тебя, когда всячески будешь от нее отвращаться, и куда бы ни пошел, везде будешь скрывать свое жительство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди.

37. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет в нас, убеждая к сему словами Евангелия: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела (Мф.5:16).

38. Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключаящимся бесчестьем.

39. Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия; середина же – отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать пред людьми то, что нас унижает, и не чувствовать при оном никакой скорби.

40. Не скрывай своих погрешностей⁶⁶ с тою мыслию, чтобы не подавать ближнему повода к преткновению; хотя может быть и не во всяком случае будет полезно употреблять сей пластырь, но смотря по свойству грехов.

41. Когда мы домогаемся славы, или когда, без искательства с нашей стороны, она приходит к нам от других, или когда покушаемся употреблять некие ухищрения, служащие к тщеславию: тогда вспомним плач свой и помыслим о святом страхе и трепете, с которым мы предстояли Богу в уединенной нашей молитве; и таким образом без сомнения посрадим бесстыдное тщеславие, если, однако, стараемся об истинной молитве. Если же в нас нет этого, то поспешим вспомнить об исходе своем. Если же мы и сего помышления не имеем: то, по крайней мере, убоимся стыда, следующего за тщеславием, потому что возносяйся непременно смирится (Лк.14:16) еще и здесь прежде будущего века.

42. Когда хвалители наши, или, лучше сказать, оболъстители начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий; и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу.

43. Бывают из тщеславных такие, коих некоторые прошения должны бы быть услышаны Богом; но Бог предваряет их молитвы и прошения, чтобы они, получив чрез молитву просимое, не впали в большее самомнение.

44. Простые же сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жителство.

45. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту: так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу.

46. Неимеющий сего недуга весьма близок ко спасению; а одержимый оным далек явится от славы святых.

Степень двадцать вторая. Кого не уловило тщеславие, тот не впадет в безумную гордость, враждующую на Бога.

Слово 23. О безумной гордости

1. Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева,

дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы.

2. Начало гордости – корень тщеславия; середина – уничтожение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец – отвержение Божие помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав.

3. Услышим все, хотящие избежать рва сего: весьма часто сия страсть получает пищу от благодарения, ибо она сначала не склоняет нас бесстыдно к отвержению Бога. Видал я людей, устами благодаривших Бога, и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: Боже, благодарю Тя (Лк.18:11).

4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе.

5. Один почтенный муж сказал мне: положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати.

6. Высокомудрый монах сильно прекословит; смиренномудрый же не только не прекословит, но и очей возвести не смеет.

7. Не преклоняется кипарис, и не стелется по земле: так и монах высокосердый не может иметь послушания.

8. Высокоумный человек желает начальствовать; да иначе он и погибнуть совершенно не может, или правильнее сказать, не хочет.

9. Бог гордым противится (Иак.4:6): кто же может помиловать их? Не чист пред Господом всяк высокосердый (Притч.16:5); кто же может очистить его?

10. Наказание гордому – его падение, досадитель – бес; а признаком оставления его от Бога есть умоисступление. В первых двух случаях люди нередко людьми же были исцеляемы; но последнее от людей неисцельно⁶⁷).

11. Отвергающий обличение обнаруживает страсть, а кто принимает оное, тот разрешился от уз ее.

12. Если от одной этой страсти, безо всякой другой, некто ниспал с неба: то должно исследовать, не возможно ли смирением, и без других добродетелей, взойти на небо?

13. Гордость есть потеря богатства и трудов. Возваша и не бе спасаяй, без сомнения потому, что вzywали с гордостью; возваша ко Господу и не услыша их (Пс.17:42), без сомнения потому, что не отсекали причин того, против чего молились.

14. Один премудрый старец духовно увещевал гордящегося брата: но сей, ослепленный, сказал ему: «Прости меня, отче, я не горд». Мудрый же старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее

можешь доказать, что ты не горд, как не тем, что говоришь: я не горд».

15. Таковы весьма полезно повиновение, жестокое и презренное жителства, и чтение о сверхъестественных подвигах св. отцов. Может быть, хотя чрез это, сии недугующие получают малую надежду ко спасению.

16. Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумство – гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение. Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои; потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твое, а творение Божие.

17. Не уповай на себя, пока не услышишь последнего о тебе изречения, памятуя, что и возлежавший уже на брачной вечери был связан по рукам и по ногам, и ввержен во тьму кромешную (Мф.22:13).

18. Не возвышай выи, перстный; ибо многие, будучи святы и невещественны, были свержены с неба.

19. Когда бес гордости утвердился в своих служителях, тогда являясь им во сне или наяву, в образе светлого Ангела, или мученика, преподает им откровение таинств, и как бы дар дарования, чтобы сии окаянные, прельстившись, совершенно лишились ума.

20. Если бы мы и бесчисленные смерти за Христа претерпели, то и тогда не исполнили бы должного; ибо иное есть кровь Бога, а иное кровь рабов, по достоинству, а не по существу.

21. Если не перестанем сами себя испытывать, и сравним житие наше с житием прежде нас бывших св. Отцов и светил; то найдем, что мы еще и не вступали на путь истинного подвижничества, ни обета своего, как должно не исполнили, но пребываем еще в мирском устроении.

22. Монах собственно есть тот, кто имеет невозносящееся око души и недвижимое чувство тела.

23. Монах есть тот, кто невидимых супостатов, даже и когда они бежат от него, призывает на брань и раздражает, как зверей.

24. Монах есть тот, кто находится в непрерывном восхищении ума к Богу и спасительной печали.

25. Монах есть тот, кто имеет такой навык к добродетелям, какой другие к страстям.

26. Монах есть непрестанный свет в очах сердца.

27. Монах есть бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа.

28. От гордости происходит забвение

согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия.

29. Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и находясь во тьме, думает, что она во свете.

30. Сия скверная страсть не только не дает нам преуспевать, но и с высоты низвергает.

31. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотой.

32. Гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом.

33. Тьма чужда света; и гордый чужд всякой добродетели.

34. В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных небесные видения.

35. Тать не любит солнца; гордый же уничижает кротких.

36. Не знаю, как это бывает, что многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество.

37. Кто пленен гордостью, тому нужна помощь Самого Бога; ибо суетно для такого спасение человеческое.

38. Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце моем, внесенную в оное на раменах ее матери, тщеславия. Связав обеих узами послушания и бив их бичем смирения, я понуждал их сказать мне, как они вошли в мою душу? Наконец, под ударами, они говорили: мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Не мало ратует против нас сокрушение сердца, рождаемое от повиновения. Быть кому-нибудь подчиненными мы не терпим; посему-то мы, и на небе пожелав начальствовать, отступили оттуда. Кратко сказать: мы родительницы всего противного смиренномудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания и безгневия, непамятозлобия и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть только одно, чему мы не имеем силы противиться; будучи сильно тобою биемы, мы и на сие тебе скажем: если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие; преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его, и со сладостию воспоют победную оную песнь: поим Господеви, славно бо прославился: коня и всадника вверже в море (Исх.15:1), и в бездну смирения.

Степень двадцать третья. Кто взойдет на нее

(если только возможно взойти), тот будет крепок.

О неизъяснимых хульных помыслах.

39. Выше сего мы слышали, что от злого корня и злой матери происходит злейшее исчадие, т. е. от скверной гордости рождается несказанная хула. Посему нужно и ее вывести на среду; ибо это немаловажное что-нибудь, но самый лютей из наших врагов и супостатов. И, что еще ужаснее, мы не можем без затруднения сказать, открыть, исповедать врачу духовному сии помыслы. Посему они часто многих повергали в отчаяние и безнадежность, истребив всю надежду их, подобно червю в древе.

40. Часто во время Божественной литургии, и в самый страшный час совершения Таин, сии мерзкие помыслы хулят Господа и совершаемую святую Жертву. Отсюда явно открывается, что сии нечестивые, непостижимые и неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес, который низвержен с небес за то, что и там хулить Бога покушался. И если мои сии бесчестные и нелепые изречения, то как же я, приняв оный небесный Дар, поклоняюсь? Как могу благословлять, и в то же время злословить?

41. Часто сей оболститель и душегубец многих приводил в исступление ума. Никакой помысл не бывает так трудно исповедать, как сей; посему он во многих пребывал до самой старости, ибо ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедаем, но таим и питаем их в сердце.

42. Никто не должен думать, что он виновен в хульных помыслах; ибо Господь есть сердцеведец, и знает, что такие слова не наши, но врагов наших.

43. Пьянство бывает причиною преткновения, а гордость - причина непотребных помыслов. Хотя преткнувшийся неповинен за преткновение, но за пьянство, без сомнения, будет наказан.

44. Когда мы станем на молитву, то сии нечистые и неизрекаемые помыслы восстают на нас, а по окончании молитвы тотчас от нас отходят; ибо они не имеют обыкновения бороться с теми, которые против них не вооружаются.

45. Безбожный сей дух не только хулит Бога и все Божественное, но и слова срамные и бесчестные произносит в нас, чтобы мы или оставили молитву, или впали в отчаяние.

46. Сей лукавый и бесчестный мучитель многих отвлек от молитвы; многих отлучил от Св. Таин; некоторых тела изнурил печалию; иных истомил постом, не давая им ни малейшей ослабы.

47. Он делает это не только с мирянами, но и проходящими монашескую жизнь, внушая им, что для них нет никакой надежды ко спасению, и что они окаяннее всех неверных и язычников.

48. Кого дух хулы беспокоит, и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что не душа его виновна в таких помыслах, но нечистый бес, сказавший некогда Самому Господу: сия

вся Тебе дам, аще пад поклонимися (Мф.4:9). Посему и мы, презирая его, и вменяя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: иди за мною сатано: Господу Богу моему поклонюся и Тому Единому послужу; болезнь же твоя и слова твои обратятся на главу твою, и на верх твой снидет хула твоя в нынешнем веке и в будущем (Пс.7:17).

49. Кто другим образом хотел бы победить беса хулы, тот уподобился бы покушающемуся удержать своими руками молнию. Ибо как настигнуть, состязаться и бороться с тем, который вдруг, как ветер, влетает в сердце, мгновенно произносит слово, и тотчас исчезает? Все другие враги, стоят, борются, медлят и дают время тем, которые подвизаются против них. Сей же не так: он только что явился, и уже отступил; проговорил – и исчез.

50. Бес этот часто старается нападать на простейших по уму и незлобивейших, которые более других беспокоятся и смущаются от сего; о них можно сказать по справедливости, что все сие бывает с ними не от превозношения их, но от зависти бесов.

51. Перестанем судить и осуждать ближнего, и мы не будем бояться хульных помыслов; ибо причина и корень второго есть первое.

52. Как затворившийся в доме слышит слова проходящих, хотя сам с ними и не разговаривает: так душа, пребывающая в себе самой, слыша хулы дьявола, смущается тем, что он, проходя мимо⁶⁸) ее произносит.

53. Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом ухищряется вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры.

54. Один тщательный монах, претерпевая нападения от сего беса, двадцать лет изнурял тело свое постом и бдением; но как никакой не получал от сего пользы, то, описав на бумаге свое искушение, пошел к некоему святому мужу и вручив ему оную, повергся лицом на землю, не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав писание, улыбнулся, и подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же брат оный сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, сколько лет он ни продолжался и ни будет продолжаться в тебе; только ты вменяй его за ничто». После инок сей уверял, что он еще не успел выйти из кельи старца, как эта страсть исчезла. Сие поведал мне сам, бывший в искушении, принося благодарение Богу.

Кто одержал победу над сею страстию, тот отринул гордость.

Слово 24. О кротости, простоте и незлобии,

которые не от природы происходят, но приобретаются тщанием и трудами, и о лукавстве.

1. Солнцу предшествует утренний свет,

а всякому смиренномудрию предтеча есть кротость; посему послушаем истинного Света, Христа, Который так располагает сии добродетели в их постепенности. Научитесь от Мене, говорит Он, яко кроток есть и смирен сердцем (Мф.11:29). Итак прежде солнца нам должно озариться светом, и потом мы уже яснее воззрим на самое солнце; ибо невозможно, невозможно, говорю, узреть солнце тому, кто прежде не просветится оным светом, как показывает самое свойство сих добродетелей.

2. Кротость есть неизменное устройство ума, которое и в чести и в бесчестии пребывает одинаковым.

3. Кротость состоит в том, чтобы при оскорблениях от ближнего, без смущения и искренно о нем молиться.

4. Кротость есть скала, возвышающаяся над морем раздражительности, о которую разбиваются все волны, к ней приражающиеся: а сама она не колеблется.

5. Кротость есть утверждение терпения, дверь, или, лучше сказать, мать любви, начало рассуждения духовного; ибо Писание говорит: научит Господь кроткия путем Своим (Пс.24:9). Она есть ходатаица отпущения грехов, дерзновение в молитве, вместилище Духа Святого. На кого воззрю, глаголет Господь, токмо на кроткаго и безмолвнаго (Исаии 66:2).

6. Кротость есть споспешница послушания, путеводительница братства, узда неистовству, пресечение гнева, подательница радости, подражание Христу, свойство ангельское, узы на бесов и щит противу огорчения.

7. В кротких сердцах почивает Господь, а мятежливая душа – седалище диавола.

8. Кротцы наследят землю, или лучше, возобладают землю; а неистовые во гневе потребятся от земли их.

9. Кроткая душа – престол простоты, а гневливый ум есть делатель лукавства.

10. Тихая душа вместит слова премудрости; ибо сказано: Господь наставит кроткия на суд (Пс.24:9), паче же на рассуждение.

11. Душа правая – сожительница смирения; лукавая же – раба гордости.

12. Души кротких исполнятся разума; а гневливый ум сожитель тьмы и неразумия.

13. Гневливый человек и лицемер встретились друг с другом; и невозможно было найти правого слова в их беседе. Если раскрыть сердце первого, то найдешь неистовство; а испытавши душу второго, увидишь лукавство.

14. Простота есть утвердившийся навык души, которая сделалась чуждою всякого различия и неспособною к лукавству (69).

15. Лукавство есть искусство, или,

лучше сказать, безобразие бесовское, которое потеряло истину и думает утаить это от многих.

16. Лицемерие есть противоположное тела с душой устроение, переплетенное всякими вымыслами.

17. Незлобие есть тихое устроение души, свободной от всякого ухищрения.

18. Правота есть незрительная мысль, искренний нрав, непритворное и неподготовленное слово.

19. Нелукавый есть тот, кто находится в естественной чистоте души, как она была сотворена, и который искренно обращается со всеми.

20. Лукавство есть извращение правоты, обольщенный разум, лживое оправдание себя благонамеренностью, клятвы, повинные муке, двусмысленные слова, скрытность сердца, бездна лести, навык лгать, превратившееся в природу самомнение, противник смирения, личина покаяния, удаление плача, вражда против исповеди, упорство в своем мнении, причина падений, препятствие восстанию от падения, коварная улыбка при обличениях, безрассудное сетование, притворное благоговение; словом оно есть бесовское житие.

21. Лукавый – диаволу соименник и сообщник; потому и Господь научил нас называть диавола лукавым, когда говорим: избави нас от лукаваго (Мф.6:13).

22. Убежим от стремнины лицемерия и от рова тайнолукавства, слыша сказанное: лукавнующия потребятся (Пс.36:9), яко зелие зрака отпадут (ст. 2); ибо такие суть пажить бесов.

23. Бог называется как любовью, так и правотою. Посему Премудрый в Песни Песней говорит к чистому сердцу: правость возлюби тя (Песн.1:3). А отец его сказал: благ и прав Господь (Пс.24:8); и о тех, кои Ему соименны, говорит, что они спасаются: спасающего правыя сердцем (Пс.7:11); и еще в ином псалме: правоты душ виде и посетило лице Его (Пс.10:7).

24. Первое свойство детского возраста есть безразличная простота; и доколе Адам имел ее, дотоле не видел наготы души своей, и ничего постыдного в наготе плоти своей. Похвальна и блаженна и та простота, которая бывает в некоторых от природы, но не так, как претворенная из лукавства чрез многие поты и труды; ибо первая покрывает нас от многообразия и страстей, а вторая бывает причиною высочайшего смиренномудрия и кротости; почему и награда первой не велика, а последней преславна.

25. Все, хотящие привлечь к себе Господа, приступим к Нему, как ученики к Учителю, с простотою, без притворства, без двоедушия и лукавства, без пытливости. Он, будучи прост и незлобен, хочет, чтобы и души, приходящие к Нему, были просты и незлобивы; ибо кто не имеет простоты, тот не может когда-либо увидеть смирение.

26. Лукавый есть лживый провидец,

который думает, что он из слов может разуметь мысль других, и по внешним поступкам – сердечное расположение.

27. Видал я таких людей, которые прежде были праводушны, а потом у лукавых научились лукавить. Я удивился, как могли они так скоро потерять свое природное свойство и преимущество. Но сколь удобно праводушным людям измениться в лукавых, столь трудно лукавым переродиться в простосердечных.

28. Истинное удаление от мира, повиновение и хранение уст часто имели великую силу, и сверх чаяния врачевали неисцельные страсти.

29. Если разум надмевает многих, то напротив невежество и неученость некоторым образом умеренно смиряют.

30. Блаженный Павел, прозванный Препростым, показал нам собою явственный пример, правило и образец блаженной простоты; ибо никто нигде не видал и не слышал, да и не может никогда увидеть такого преуспевания в столь краткое время.

31. Простосердечный монах, как бы одаренное разумом бессловесное, всегда послушен, совершенно сложивши бремя свое на своего руководителя; и как животное не противоречит тому, кто его вяжет, так и душа правая не противится наставнику, но последует ведущему, куда бы он ни захотел; хотя бы повел на закланье, не умеет противоречить.

32. Неудобь богатии внидут в царствие небесное; неудобно и мудрецы безумные мира сего войдут в простоту.

33. Часто падение исправляло лукавых, невольно даруя им спасение и незлобие.

34. Борись, и старайся посмеяться своей мудрости⁷⁰). Делая так, обрящешь спасение и правость о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Кто на сей степени одержал победу, – да дерзает: ибо он, сделавшись подражателем Христу, обрел спасение.

Слово 25. Об искоренителе страстей, высочайшем

смирномудрии, бывающем в невидимом чувстве

1. Кто хотел бы чувственным словом изъяснить ощущение и действие любви Божией во всей точности, святого смирномудрия – надлежащим образом блаженной чистоты – истинно, просвещения Божественного во всей его ясности, страха Божия – неложно, сердечного извещения⁷¹) – чисто; и кто думает одним сказанием своим просветить и научить невкусивших сего самым делом: тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали. Но как последний всеу риторствует, или, лучше сказать, пустословит: так и первый, будучи неопытен, сам не знает, о чем говорит, или сильно поруган тщеславием⁷²).

2. Настоящее слово представляет рассуждению вашему сокровище в бранных сосудах, т. е. в телах. Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать ее словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение.

3. Все, которые Духом Божиим водятся, да внидут с нами в сие духовное и премудрое собрание, неся в мысленных руках Богописанные скрижали разума! И мы сошлись, исследовали силу и значение честного оного надписания. Тогда один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех. Иной говорил, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия. Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления, предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли.

4. Все сие выслушав, и с великою точностию и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения; и потому, будучи последним из всех как пес, собрав крупичицы, падавшие со стола мудрых и блаженных мужей, т. е. слова их уст, определяя добродетель оную, говорю так: смиренномудрие есть безымянная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство; Божие именование; ибо Господь говорит: научитесь не от Ангела, не от человека, не от книги, но от Мене, т. е. от Моего в вас вселения и осияния и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем и помыслами, и образом мыслей, и обрящете покой душам вашим от браней, и облегчение от искусительных помыслов (Мф.11:29).

5. Иной вид священного сего вертограда еще во время зимы страстей, другой – весною, которая обещает плоды, и иной – во время лета созреваемых добродетелей; впрочем все сии видоизменения ведут к одному концу – к веселию и плодоносию; и потому каждое его время имеет свои некоторые указания и признаки плодов. Ибо когда начнет в нас процветать священный грозд смирения, тогда мы, хотя и с трудом, возненавидим всякую славу и похвалу человеческую, отгоняя от себя раздражительность и гнев. Когда же смиренномудрие, сия царица добродетелей, начнет преуспевать в душе нашей духовным возрастом, тогда не только за ничто почитаем наши все добрые дела, но и вменяем их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремену наших грехов, неведомым для нас расточением, и что богатство дарований, которые получаем от Бога, и которых мы недостойны, послужит к умножению наших мучений в грядущем веке. Посему ум бывает в то время неокрадом, затворившись в ковчеге смирения, и только слышит вокруг себя топот и игры невидимых татей, но ни один из них не может ввести его в искушение; ибо смирение есть такое хранилище сокровищ, которое для хищников неприступно.

6. Итак мы дерзнули любомудрствовать в немногих словах и цветоносии и первом преуспейнии оногo присноцветущего плода; а какова совершенная почeсть священнейшего смиренномудрия, о том вопросите Самого Господа, ближайшие его други. О количестве богатства сего говорить невозможно: о качестве – еще труднее; однако о свойстве ее покусимся сказать по данному нам разумения.

7. Покаяние искреннее, плач, очищенный от всякой скверны, и преподобное смирение новоначальных такое имеют различие между собою, как мука, тесто и печеный хлеб. Ибо душа стирается и истончается истинным покаянием, соединяется же неким образом, и, так сказать, смешивается с Богом, водою плача неложного; а когда от него разжжeтся огнем Господним, тогда хлеботорится и утверждается блаженное смирение, бесквасное и невоздымающеся. Посему сия священная и триплетенная вервь, или, лучше сказать, радуга, сходясь в одну силу и действие, имеет свои особенные действия и свойства; и если укажешь на какой-либо признак одного, то в то же время найдешь, что он служит признаком и свойством и другого. Но что мы здесь сказали кратко, то постараемся утвердить и доказательством.

8. Первое, и одной из превосходнейших свойств сей прекрасной и досточудной троицы, состоит в радостнейшем подъятии уничижений, когда душа распростертыми руками принимает и объемлет их, как врачевство, исцеляющее и попяляющее ее недуги и великие грехи. Второе же по оном свойство есть истребление всякого гнева, и в утоление оногo – смирение. А третья и превосходнейшая степень есть совершенное неверование своим добрым делам, и всегдашнее желание научаться.

9. Кончина убо закона и пророков – Христос, в правду всякому верующему ([Рим.10:4](#)); конец же нечистых страстей – тщеславие и гордость всякому невнимающему себе. Истребитель же их – мысленный сей олень, т. е. смиренномудрие, хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда [73](#)). Ибо когда является в смиренномудрии яд лицемерия? Когда яд клеветы? Где может в нем гнездиться и крыться змей? Не извлекает ли оно его паче из земли сердца, и умерщвляет, и истребляет?

10. В том, кто совокупляется со смирением, не бывает ни следа ненависти, ни вида прекословия, ни воня непокорства, разве только где дело идет о вере.

11. Кто с добродетелью смиренномудрия соединился браком, тот кроток, приветлив, удобоумилен, милосерд; паче же всего тих, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен, и – что много говорить – бесстрастен; потому что в смирении нашем помяну ны Господь, и избавил ны есть от врагов наших ([Пс.135:23,24](#)), от страстей и скверн наших.

12. Смиренномудрый монах не любопытствует о предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних.

13. К одному из рассудительнейших

братий бесы приступили очевидно и ублажали его. Но сей премудрый сказал им: «Если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то, из отшествия вашего, я заключил бы, что я велик; если же не перестанете похвалять меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту; ибо нечист пред Господем всяк высокосердый (Притч.16:5). Итак, или отойдите, чтобы я почел себя за великого человека; или хвалите, и я, посредством вас, приобрету больше смирения». Сим обоюдным изречением они так были поражены, что тотчас же исчезли.

14. Да не будет душа твоя рвом, который иногда источает животворную воду смирения, а иногда иссыхает от зноя славы и возношения; но да будет она источником бесстрастия, всегда изводящим из себя реку нищеты.

15. Возлюбленный! Знай, что удолия умножат пшеницу (Пс.64:14), и плод духовный в себе. Сие удолие есть душа смиренная, которая посреди гор, трудов и добродетелей, всегда пребывает без возношения и неподвижною. Не постился я, говорит Давид, не бдел, не лежал на голой земле: но смирихся, и спасе мя Господь вскоре (Пс.114:5).

16. Покаяние восставляет падшего; плач ударяет во врата небесные; а святое смирение отверзает оные. Я же, говоря сие, поклоняюсь Троице во Единице и Единице в Троице.

17. Солнце освещает все видимые твари, а смирение утверждает все разумные действия. Где нет света, там все мрачно; и где нет смиренномудрия, там все наши дела суетны.

18. Одно во всей вселенной такое место, которое только однажды видело солнце: и один помысл часто рождал смирение. В один и единственный день весь мир возрадовался: и одна только добродетель смиренномудрия такова, что бесы подражать ей не могут⁷⁴).

19. Иное дело превозноситься; иное дело не возноситься; а иное смиряться. Один целый день судит (о всех и о всем); другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает, третий же, будучи неповинен, всегда сам себя осуждает.

20. Иное дело смиренномудрствовать; иное дело подвизаться для приобретения смиренномудрия; а иное дело хвалить смиренномудрого. Первое принадлежит совершенным; второе – истинным послушникам; а третье – всем православным христианам.

21. Кто смирил себя внутренне, тот не бывает окрадываем чрез уста; ибо чего нет в хранилище, того и дверь сия не износит.

22. Когда конь бежит один, ему кажется, что он скоро бежит: но когда находится в бегу с другими, тогда познает свою медленность.

23. Если помысл наш уже не хвалится природными дарованиями, то это знак начинающегося здравия; а доколе чувствует он сей смрад тщеславия, дотоле благовония мира (смирения) обонять не может.

24. Святое смиренномудрие говорит:

кто имеет любовь ко мне, но еще не совокупился со мною совершенно, то никого не будет осуждать, не пожелает начальствовать, не будет выказывать свою премудрость. По совокуплении же со мною для него уже закон не лежит (1Тим.1:9).

25. Нечистые бесы тайно слагали похвалу в сердце одному, тщательно стремившемуся к сей блаженной добродетели подвижнику; но он, будучи наставляем божественным вдохновением, умел убедить лукавство духов благочестивою хитростию. Вставши, написал он на стене своей келлии названия высочайших добродетелей, т. е. любви совершенной, ангельского смиренномудрия, чистой молитвы, нетленной чистоты, и других подобных; и когда помыслы начинали хвалить его, он говорил к ним: «Пойдем на обличение» и, подошедши к стене, читал написанные названия, и взывал к себе: «Когда и все сии добродетели приобретешь, знай, что ты еще далеко от Бога».

26. Итак, мы не можем сказать, в чем собственно состоит сила и существо сего солнца (смиренномудрия); однако по его свойствам и действиям можем постигать его существо.

27. Смиренномудрие есть покров божественный, который не дает нам видеть наши исправления. Смиренномудрие есть бездна самоохуждения, неприступная для всех невидимых татей. Смиренномудрие есть столп крепости от лица вражия (Пс.60:4). Ничтоже успеет враг на него, и сын, т. е. помысл беззакония не преложит озлобити его (Пс.88:23). И истечет от лица своего враги своя и ненавидящие его победит (Ст. 24).

28. Кроме показанных свойств, которые все, за исключением одного(75), суть видимые знамения сего сокровища духовного, есть еще и другие свойства, которые познает в душе своей великий обладатель сего богатства. Тогда ты достоверно узнаешь, что святое существо сей добродетели есть в тебе, когда будешь исполнен неизреченного света и несказанной любви к молитве. Прежде же чем ты достигнешь сих дарования, надлежит тебе приобрести сердце, неназирающее чужих согрешений; предтечею же всего сказанного должна быть ненависть к тщеславию.

29. Кто познал себя во всяком чувстве души, тот как бы посеял на земле; а кто так не посеял, в том невозможно процвести смиренномудрию(76).

30. Познавший себя достиг разума страха Господня, и ходя в оном, достигает врат любви.

31. Смиренномудрие есть дверь царствия небесного, и она вводит туда приближающихся к ней. Думаю, что о входящих сею дверью говорит и Сам Спаситель сими словами: и внидет и изыдет (Ин.10:9) без страха из сей жизни, и пажить обрящет и злак в райских селениях. Все же, которые пришли в монашество иною дверью, татие суть своей жизни и разбойницы.

32. Если хотим достигнуть добродетели смиренномудрия, да не престанем самих себя испытывать и истязывать; и если в истинном чувстве души будем думать, что каждый ближний наш

превосходнее нас, то милость Божия недалеко от нас.

33. Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном, или еретике. Исправление это принадлежит одним православным, благочестивым, и уже очищенным.

34. Многие называют себя грешниками, а может быть и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается уничтожением (от других).

35. Поспешающий к оному необуреваемому пристанищу смиренномудрия да не престанет делать все, что может, и да понуждается и словами, и помышлениями, и разными способами, исследованиями и изысканиями, и всем житием, и ухищрениями творя молитвы и моления, размышляя, придумывая, и все средства изобретая, доколе содействием Божиим и пребыванием в уничиженнейших и наиболее презираемых состояниях и трудах не избавится ладья души его от бедствий приснобурного моря тщеславия; ибо избавившийся от сей страсти получает удобное оправдание от всех прочих грехов своих, как евангельский мытарь.

36. Некоторые хотя и получили уже прощение грехов, но для всегдашнего побуждения к смиренномудрию удерживают до конца жизни воспоминание о преждебывших согрешениях, заушая оным суетное возношение. Другие, размышляя о страданиях Христа Спасителя, считают себя неоплатными должниками пред Ним. Иные охуждают себя за ежедневные неисправности. Иные случающимися искушениями, немощами, и согрешениями, в какие впадают, низвергают гордость. Другие молением о взятии от них дарований, усвоили себе матерь дарований смирение. Есть и такие (но ныне есть ли, не могу сказать), которые тем более смиряются пред Богом, чем более ущедряются Божиими дарованиями, почитая себя недостойными такового богатства, и такой имеют залог в душе, что будто бы они ежедневно прилагают к долгу своему. Вот смирение, вот блаженство, вот совершенная почеть победная! Если увидим или услышим, что кто-нибудь, в продолжении немногих лет, приобрел высочайшее бесстрашие: верь, что такой шествовал не иным путем, но сим блаженным и кратким.

37. Священная двоица – любовь и смирение; первая возносит, а последнее вознесенных поддерживает и не дает им падать.

38. Иное дело – сокрушение сердца; другое дело – самопознание; а еще иное – смирение.

39. Сокрушение происходит от грехопадения. Падающий сокрушается, и хотя бездерзновенен, однако с похвальным бесстыдством предстоит на молитве, как разбитый, на жезл надежды опираясь и отгоняя им пса отчаяния.

40. Самопознание есть верное понятие о своем духовном возрасте и неразвлекаемое памятование легчайших своих согрешений.

41. Смирение есть духовное учение

Христово, мысленно приемлемое достойными в душевную клеть. Словами чувственными его невозможно изъяснить.

42. Кто говорит, что он ощущает благовоние сего мира, и во время похвал хотя мало движется сердцем, и силу слов оных понимает (но не отвращается их): тот да не прельщает себя, ибо он обманут.

43. Не нам, Господи, не нам, сказал некто, в чувстве души, но имени Твоему даждь славу (Пс.113:9); ибо он знал, что естество человеческое не может принимать похвалу безвредно. У Тебе похвала моя в Церкви велицей (Пс.21:26) в будущем веке: а прежде того не могу принимать ее безопасно.

44. Если предел, свойство и образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет: то глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек ради унижения, в некоторых случаях, принимает на себя такие вины, каких и нет в нем. Так поступил тот духовный отец, который взял в руки хлеб и сыр⁷⁷); так поступил и тот делатель чистоты, который снял с себя одежду и прошел город бесстрастно⁷⁸). Таковые уже не заботятся и не боятся, как бы не соблазнились люди, потому что они молитвою получили силу всех невидимо пользоваться. А кто из них о первом, то есть о соблазнах, еще заботится, тот изъясняет скудость второго дарования; ибо где Бог готов исполнить прошение, там мы все можем сделать.

45. Избирай лучше оскорбить людей, нежели Бога; ибо Он радуется, видя, что мы усердно стремимся к бесчестию, чтобы потрясти, уязвить и уничтожить суетное наше тщеславие.

46. Таковые дарования⁷⁹) доставляет совершенно уклонение от мира. И поистине дело великих – терпеть поругания от своих. Но да не приводит вас в ужас сказанное мною; никто никогда не мог одним шагом взойти на верх лестницы.

47. О сем разумеют вси, яко Божии ученицы есмы (Ин.13:35), не яко беси нам повинуются, но яко имена наша написана суть на небеси смирения (Лк.10:20).

48. Естественное свойство лимонного дерева такого, что оно, будучи бесплодно, поднимает ветви кверху; а когда оные наклоняет, то они скоро бывают плодоносны. Разумно познавший уразумеет сие.

49. Святое смирение имеет дарование от Бога к восхождению на тридесять, на шестьдесят и на сто. На последнюю степень восходят одни бесстрастные, на среднюю – мужественные: на первую же степень все могут взойти.

50. Познавший себя никогда не бывает поруган, чтобы предпринять дело выше своей силы; он утвердил ногу свою на блаженной стези смиренномудрия.

51. Птицы боятся и вида ястреба; а делатели смирения – и гласа прекословия.

52. Многие получили спасение без прорицаний

и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не увидит в небесный чертог. Ибо хранитель первых (дарований) есть второе (смирение); но часто, в легкомысленных людях, чрез первые истребляется второе.

53. Чтобы нас и не желающих смириться побудить к сей добродетели, Господь промыслом Своим устроил то, что никто язв своих не видит так хорошо, как видит их ближний; и потому мы обязаны не себе приписывать исцеление наше, но ближнему, и Богу воздавать благодарение о здравии.

54. Смиренномудрый всегда гнушается воли своей, как погрешительной, даже и в прошениях своих ко Господу: он с несомненною верою научается должному, и принимает оное, не жительству учителя внимая, но возложив попечение на Бога, Который и чрез ослицу научил Валаама должному. И хотя такой делатель все по воле Божией и делает, и мыслит, и говорит, но никогда не доверяет себе; ибо для смиренного тягость и жало - верить самому себе: как гордому трудно последовать словам и мнению других.

55. Мне кажется, что только Ангелу свойственно не быть окрадываему никаким грехом в неведении; ибо слышу земного Ангела, говорящего: ничесо же в себе свем, но ни о сем оправдаюся; востязуй же мя Господь есть (1Кор.4:4). Посему и надлежит нам всегда осуждать и укорять себя, чтобы вольным самоосуждением загладить невольные грехи; а если не так, то при исходе из сего мира мы претерпим за них лютое истязание.

56. Кто просит от Бога меньше того, чего он достоин, тот, конечно, получит более, нежели чего стоит. Об истине сего свидетельствует мытарь, просивший отпущения грехов, и получивший оправдание. Разбойник также просил только, чтобы Господь помянул его во царствии Своем, но он первый получил весь рай в наследие.

57. Как ни в какой твари невозможно видеть огня по естеству⁸⁰), ни малого, ни великого: так и в непритворном смирении невозможно оставаться и виду вещества, то есть страстей; и доколе мы грешим произвольно, дотоле нет в нас смирения; а из сего можно уже разуметь, когда оно в нас присутствует.

58. Господь наш, зная, что добродетель души сообразуется с наружными поступками, взяв лентий, показал нам пример к обретению пути смирения; ибо душа уподобляется действиям телесным, и соображается и соглашается с тем, что делает тело. Начальствование сделалось для некоторого из Ангелов причиною высокоумрия, хотя оно и не для того ему было вверено.

59. Иное душевное устройство у человека, сидящего на престоле; и иное у сидящего на гноище. По сей-то, может быть, причине и великий праведник Иов сидел на гноище вне града; ибо тогда-то, стяжав совершенное смиренномудрие, сказал он в чувстве души: укорих себе сам и истаях: и вмених себе землю и пепел (Иов.42:6).

60. Обретаю, что Манассия согрешил

паче всех человеков, осквернив храм Божий и все Богослужение почитанием идолов; так что если бы за него и весь мир постился, то нимало не мог бы удовлетворить за его беззакония. Но одно смирение возмозгло исцелить и неисцельные язвы его. Яко аще бы восхотел еси жертвы, говорит Давид к Богу, дал бых убо: всесожжения, то есть тел, постом истаивающих не благоволиши: жертва же Богу дух сокрушен (Пс.50:18); прочее, что там следует, всем известно.

61. Согреших ко Господу возопило некогда сие блаженное смирение к Богу по совершении прелюбодеяния и убийства: и тотчас услышало: Господь отъя согрешение твое (2Цар.12:13).

62. Приснопамятные отцы наши утверждают, что путь к смирению и начальная причина сей добродетели суть труды телесные; а я полагаю, – послушание и правость сердца, которая естественно сопротивляется возношению.

63. Если гордость некоторых из Ангелов превратила в бесов, то без сомнения смирение может и из бесов сделать Ангелов. Итак, да благодушествуют падшие (уповая на Бога).

64. Потщимся и потрудимся всею силою взойти на верх сей добродетели. Если идти не можем, потщимся, чтобы оно подъяло нас на раменах своих. Если немоществуем чем-нибудь, то да не отпадем по крайней мере от объятий; ибо я подивился бы, если бы отпадающий от него получил некий вечный дар.

65. Жилы и пути смирения, но еще не признаки сей добродетели, суть: нестяжательность, уклонение от мира, утаение своей мудрости, простота речи, прошение милостыни, скрывание благородия, изгнание дерзновения, удаление многословия.

66. Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете и пропитание подаением; ибо тогда наипаче показуемся любомудрыми и боголюбивыми, когда, имея средства ко возвышению, убегаем оно не возвратно.

67. Если ты вооружаешься против какой-нибудь страсти, то возьми себе в помощь смиренномудрие; ибо оно наступит на аспида и василиска, то есть на грех и отчаяние, и поперет льва и змия (Пс.90:13), то есть диавола и змия плотской страсти.

68. Смиренномудрие есть тифон, могущий возвести душу из бездн грехов на небо.

69. Некто увидел в сердце своем красоту сей добродетели, и, будучи объят удивлением и ужасом, вопрошал ее, да скажет ему имя родителя своего. Она же, радостно и кротко улыбаясь, сказала ему: «Как ты стараешься узнать имя Родившего меня, когда Он не именуем? Итак, я не объявляю тебе оно имени, доколе не стяжешь в себе Бога». Слава Ему во веки веков. Аминь.

Матерь источника – бездна; рассуждения же источник – смирение.

и добродетелей

1. Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устроение душевного; в средних оно есть умное чувство, которое непогрешительно различает истинно доброе от естественного, и от того, что противно доброму; в совершенных же рассуждение есть находящийся в них духовный разум, дарованный Божественным просвещением, который светильником своим может просвещать и то, что есть темного в душах других.

2. Или же, рассуждение в общем смысле в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами.

3. Кто благочестно низложил первые три из главных страстей⁸¹), тот низложил вместе и пять последних⁸²); но кто нерадит о низложении первых, тот ни одной не победит.

4. Рассуждение есть совесть неоскверненная и чистое чувство⁸³).

5. Никто по неразумию своему да не упадет в неверие, видя или слыша в монашеской жизни бывающее выше естества; ибо где Бог, превысший естества, являет Свое присутствие, там много бывает вышеестественного.

6. Все брани бесовские происходят от трех главных причин: или от нерадения нашего, или от гордости, или от зависти диавола. Окаянен первый; всеокаянен второй; третий же – треблажен.

7. Целию и правилом во всех случаях, да поставляем по Богу совесть нашу, и узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию уже да распростираем и паруса.

8. Во всех деланиях, которыми стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу. Во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией. А если тати оные в сем умышлении не получают успеха: тогда уже тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем Богоугодно. Первому искушению сопротивляются тщание и попечение о смерти; второму – повиновение и уничтожение; а третьему – всегдашнее укорение самого себя. Сие труд есть пред нами, дондеже внидет во святилище наше огонь оный Божий (Пс.78:16). Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков; ибо Бог наш есть огонь, поядаяй (Евр.12:29) всякое разжжение и движение похоти, всякий злой навык, ожесточение и омрачение, внутреннее и внешнее, видимое и помышляемое.

9. Бесы же со своей стороны, делают обыкновенно совсем противное тому, что мы теперь сказали. Когда они одолеют душу, и свет ума помрачат, тогда не будет более в нас, окаянных, ни трезвенного внимания, ни рассуждения, ни сознания, ни стыда, но место их заступят беспечность, бесчувствие, нерассуждение и слепота ума.

10. Сказанное теперь весьма ясно для тех, которые истрезвились от блуда, обуздали дерзновение, и от бесстыдства перешли к стыдливости: как они, по истрезвлении ума, по избавлении его от ослепления, или, лучше сказать, повреждения, стыдятся внутренне самих себя, и того, что они говорили и делали, будучи в ослеплении.

11. Если прежде день в душе нашей не померкнет и не потемнеет, то невидимые тати оные не окрадут, не убьют и не погубят. Окрадывание души есть, когда мы почитаем за добро, в чем нет добра; окрадывание есть неприметное лишение духовного богатства; окрадывание есть неведомое пленение души. Убиение души есть умерщвление словесного ума, впадением в дела непристойные; а погибель души есть впадение в отчаяние, после совершения беззакония.

12. Никто не должен извиняться в неисполнении евангельских заповедей своею немощию; ибо есть души, которые сделали более, нежели сколько повелевают заповеди. Да уверит тебя в справедливости сказанного тот, кто возлюбил ближнего паче себя, и предал за него свою душу, хотя на сие и не получил заповеди Господней⁸⁴).

13. Да благодушествуют страстные смирившиеся. Ибо если они и во все ямы впадали и во всех сетях увязали, и всяким недугом вознедуговали; но по выздоровлении бывают для всех светилами и врачами, путеводителями и наставниками, объявляя свойства и виды каждого недуга, и своею опытностию спасая близких к падению.

14. Если некоторые, мучимые прежде приобретенными привычками, могут хотя простым словом учить других, да научат, только да не начальствуют; может быть они когда-нибудь, хотя собственных слов устыдившись, начнут деятельную добродетель. Таким образом, и на них сбудется то, что, как я видел, случалось с некоторыми погрязшими в тине: испытавши нечистоту ее, они рассказывали мимоходящим, каким образом попали в тину; и делали сие в предохранение их, чтобы и они не погрязли, идя тем же путем; и за спасение иных. Всесильный избавил и их от тины греха. Если же страждущие от страстей произвольно предаются сластям, то молчанием да показывают свое учение. Ибо Писание говорит: Иисус начат творити же и учити (Деян.1:1).

15. Свирепое поистине и неукротимое, мы, смиренные иноки, переплываем море, исполненное многих ветров и скал, водоворотов, разбойников, смерчей и мелей, чудовищ и свирепых волн. Скала в душе есть свирепая и внезапная вспыльчивость. Водоворот безнадёжие, которое объемлет ум и влечет его во глубину отчаяния. Мели суть неведение, содержащее зло под видом добра. Чудовища же суть страсти сего грубого и свирепого тела. Разбойники - лютейшие слуги тщеславия⁸⁵), которые похищают наш груз и труды добродетелей. Волна есть надменное и напыщенное сытостию чрево, которое стремлением своим предаёт нас оным зверям; а смерч есть сверженная с небес гордость, которая возносит нас (до небес) и низводит до бездн.

16. Занимающиеся науками знают, какое учение прилично новоначальным, какое средним и какое самим учителям.

Рассмотрим внимательно, не остаемся ли мы еще при начальных правилах, хотя и обучаемся долгое время. Все считают за стыд видеть старика, ходящего в детское училище. Превосходный алфавит для всех есть следующий: послушание, пост, вретисце, пепел, слезы, исповедание, молчание, смирение, бдение, мужество, стужа, труд, злострадание, уничижение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, кротость, простая и нелюбопытная вера, беспопечение о мире, непорочная ненависть к родителям, беспристрастие, простота с незлобием, произвольная худость.

17. Указание и признаки преуспевающих суть: отсутствие тщеславия, безгневие, благонадежие, безмолвие, рассуждение, твердая память суда, милосердие, страннолюбие, приличное вразумление, бесстрастная молитва, несребролюбие.

18. Предел же, указание и закон душ и телес, бывающих во плоти совершенными по благочестию, таковы: непленяемое сердце, совершенная любовь, источник смиренномудрия, восхищение ума, Христово вселение, неокрадывание света и молитвы, изобилие осияния Божия, желание смерти, ненависть (к брэнной) жизни, отчуждение от тела, молитвенник о мире, как бы насильно преклоняющий Бога на милость, сослужебник Ангелам, бездна разума, дом таинств, хранилище неизреченных откровений, спаситель человеков, бог бесов, господин страстей, владыка тела, повелитель естества, чуждый греха, дом бесстрастия, подражатель Владыки помощью Владыки.

19. Не малое внимание нужно нам в то время, когда тело немоществует. Ибо бесы, увидевши нас, лежащих на земле, и немогущих уже от изнеможения вооружиться на них телесным подвигом, покушаются нападать на нас с особенною жестокостию.

20. На живущих в мире, во время недуга, нападает бес гнева, а иногда и дух хулы. Живущие вне мира бывают мучимы бесами объедения и блуда, если они изобилуют всем потребным; если же они пребывают в местах, удаленных от всякого утешения и подвижнически, – то бывают искушаемы бесами уныния и неблагодарности.

21. Приметил я, что иногда блудодейственный волк усиливает болезни недугующих, и в самых болезнях производит движения и истечения. Ужасно было видеть, что плоть, среди лютых страданий, буйствует и неистовствует. И обратился я, и увидел лежащих на одре, которые в самом страдании утешаемы были действием Божественной благодати или чувством умиления; и сим утешением отражали болезненные ощущения, и в таком были расположении духа, что никогда не хотели избавиться от недуга. И его обратился, и увидел тяжко страждущих, которые телесным недугом, как бы некоторою епитимиею⁸⁶) избавились от страсти душевной; и я прославил Бога, брение брением исцелившего.

22. Ум, достигший духовного разума, непременно облечен в духовное чувство⁸⁷). В нас ли оно, или не в нас, но мы должны непрестанно об нем заботиться и искать его в себе; ибо когда оно явится, тогда внешние чувства всячески перестанут обольстительно действовать на душу; и зная это, некто из премудрых сказал: и Божественное

чувство обратиши (Прем.2:5)88).

23. Жизнь монашеская в отношении дел и слов, помышлений и движений, должна быть провождаема в чувстве сердца. Если же не так, то она не будет монашеская, не говорю уже Ангельская.

24. Иное есть промысл Божий; иное – Божия помощь; иное – хранение; иное – милость

Божия; и иное – утешение. Промысл Божий простирается на всякую тварь. Помощь Божия подается только верным. Хранение Божие бывает над такими верными, которые поистине верны. Милости Божией сподобляются работающие Богу; а утешения – любящие Его89).

25. Что иногда бывает врачевством для одного, то для другого бывает отравой; и иногда одно и то же одному и тому же бывает врачевством, когда преподается в приличное время, не во время же бывает отравой.

26. Видел я неискусного врача, который больного скорбного обесчестил, и тем ничего более для него не сделал, как только ввергнул его в отчаяние. Видел и искусного врача, который надменное сердце резал уничижением, и извлек из него весь смрадный гной.

27. Видел я, что один и тот же недужный иногда для очищения своей нечистоты пил лекарство послушания, и потом был в движении, ходил и не спал; а в другое время, заболев душевным оком, пребывал без движения, в безмолвии и молчании. Имея уши слышати, да слышит90).

28. Некоторые, не знаю почему (ибо я не научился своим мнением любопытствовать и испытывать о дарованиях Божиих), так сказать, по природе наклонны к воздержанности, или к безмолвничеству, или к чистоте, или к скромности, или к кротости, или к умилению. У других же самая почти природа сопротивляется сим добрым качествам, но они насильно принуждают себя к оным; и хотя иногда и побеждаются, однако их, как понудителей естества, я похваляю больше первых.

29. Не хвались много, о человек, богатством, которое ты без труда получил; но знай, что Раздаятель даров, предвидев великое твое повреждение, немощь и погибель твою, восхотел хотя как-либо спасти тебя превосходными оными дарованиями, незаслуженными тобою.

30. Наставления, которые мы получили с младенчества, воспитание и занятия наши, когда мы придем в возраст, способствуют нам или препятствуют в приобретении добродетели и в житии монашеском.

31. Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человеков – монашеское житие; и потому да подвизаются иноки быть благим примером во всем; никому же ни в чем же претыкание дающе, ни делами ни словами (2Кор.6:3). Если же свет сей бывает тьма, то она тьма, то есть сущие в мире кольми паче помрачатся.

32. Итак, если покоряетесь мне, покоряющиеся, или, лучше сказать, хотящие покориться: то знайте, что полезнее для нас не

быть переменчивыми в жизни, и не разделать таким образом бедную нашу душу, вступая в брань с тысячами тысяч и с бесчисленными тьмами невидимых врагов; ибо мы не можем познавать и даже усматривать все их коварства.

33. С помощью Святыя Троицы вооружимся против трех главных страстей тремя добродетелями⁹¹). Если не так, то мы сами навлечем на себя множество трудов.

34. По истине, если и в нас будет Тот, Который обращает море в сушу (Пс.65:6), то без сомнения и наш Израиль, или ум, зрящий Бога, без волнения перейдет море страстей, и увидит потопление сих мысленных Египтян в воде своих слез. А если не будет в нас Его пришествия, то против одного шума волн сего моря, т. е. сей плоти, кто постоит (Пс.64:8)?

35. Если Бог воскреснет в нас деянием, то расточатся врази Его, и если видением к Нему приблизимся, то побежат ненавидящие Его и нас от лица Его и нашего.

36. Потом наипаче, а не нагим словом, потщимся научиться познанию Божественных истин; ибо не слова, а дела должны мы будем показать во время исхода.

37. Слышавшие, что сокровище сокрыто на некоем месте, ищут его, и много искавши и с трудом нашедши, тщательно сохраняют обретенное; разбогатевшие же без труда бывают расточительны.

38. Нельзя без труда преодолеть прежние греховные навыки и пристрастия; а кто не престаёт прилагать к ним еще новые, тот или отчаялся в своем спасении, или нисколько не воспользовался от жития монашеского. Впрочем я знаю, что Бог все может, невозможно же Ему ничтоже (Иов.42:2).

39. Некоторые в недоумении предложили мне на рассмотрение неудоборешимый вопрос, превосходящий разум всех мне подобных, и рассуждения о котором я не находил ни в одной из дошедших до меня книг. Какие собственно исчадия, говорили они, рождаются от восьми главных страстных помыслов, и какой из трех главнейших родитель каждому из пяти прочих? Я же, в ответ на это недоумение, предложил похвальное неведение; и тогда от преподобнейших оных мужей получил такое вразумление: «Матерь блуда есть объедение; уныния же матерь – тщеславие; печаль же и гнев рождаются от трех главнейших страстей⁹²); а матерь гордости – тщеславие».

40. На сие слово достопамятных оных мужей я отвечал прошением научить меня, какие грехи происходят от восьми главных страстей? И какой именно, и от которой из них рождается?. Сии бесстрастные отцы благосклонно на это сказали, что в безумных страстях нет порядка или разума, но всякое бесчиние и неустройство. Блаженные отцы подтверждали сие весьма убедительными доказательствами, представляя многие достовернейшие примеры, из коих некоторые помещаем в настоящем слове, чтобы от них получить вразумление для правильного суждения и о

прочем.

41. Безвременный смех, например, иногда рождается от беса блуда; а иногда от тщеславия, когда человек сам себя внутренне бесстыдно хвалит; иногда же смех рождается и от наслаждения (пищею).

42. Многий сон происходит иногда от насыщения; иногда же от поста, когда постящиеся возносятся; иногда от уныния, а иногда и просто от естества.

43. Многословие происходит иногда от объедения, а иногда от тщеславия.

44. Уныние происходит иногда от наслаждения; а иногда от того, что страха Божия нет в человеке.

45. Хула есть собственно дочь гордости; а часто рождается и от того, что мы ближнего в том же осуждали; или от безвременной зависти бесов.

46. Жестокосердие рождается иногда от насыщения; иногда от бесчувствия; а иногда от пристрастия. Пристрастие же опять иногда от блуда, иногда от сребролюбия, иногда от объедения, иногда от тщеславия, и от многих других причин.

47. Лукавство происходит от возношения и от гнева.

48. Лицемерие – от самоугодия и самочиния.

49. Противные же сим добродетели рождаются от противных родителей. Но как мне не достало бы времени, если бы я захотел рассуждать о каждой из них в частности, то вообще и кратко скажу, что умерщвление всем вышешоказанным страстям есть смиренномудрие; и кто приобрел сию добродетель, тот все победил.

50. Слостолюбие и лукавство суть родительницы всех зол; одержимый ими не узрит Господа; но и удаление от первого, без удаления от второго, не принесет нам никакой пользы.

51. Страх, который чувствуем к начальникам и к зверям да будет для нас примером страха Господня; и любовь к телесной красоте да будет для тебя образом любви к Богу; ибо ничто не препятствует нам брать образцы для добродетелей и от противных им действий.

52. Весьма развратился [93](#)) нынешний век, и весь стал преисполнен возношения и лицемерия: труды телесные, по примеру древних отцов наших, может быть, и показывает, но дарований их не сподобляется; хотя, думаю я, естество человеческое никогда так не требовало дарований как ныне. И справедливо мы это терпим, потому что не трудам, но простоте и смирению являет себя Бог. Хотя сила Господня и в немощи совершается, однако отринет Господь несмиренномудрого делателя.

53. Когда кого-нибудь из наших воинов о Христе увидим в телесном страдании и недуге; то не будем лукаво объяснять себе причину его болезни, но лучше примем его с простою и немыслящею злою любовью, и постараемся вылечить, как собственный член, и как воина,

уязвленного на брани.

54. Болезнь посылается иногда для очищения согрешений; а иногда для того, чтобы смирить возношение.

55. Благий наш и всеблагий Владыка и Господь, видя, что кто-нибудь весьма ленив к подвигам, смиряет плоть его недугом, как отраднейшим подвижничеством; а иногда очищает и душу от лукавых страстей и помыслов.

56. Все, что с нами случается, видимое или невидимое, можно принимать тройко: как должно, пристрастно и средним образом. Я видел трех братьев, потерпевших тщету: один из них негодовал, другой пребыл без печали, а третий принял это с великою радостью.

57. Видел я, что земледельцы одинаковое семя бросали в землю, но каждый из них имел при этом свое намерение. Один думал о том, как бы долги уплатить; другой хотел обогатиться; иной желал дарами почтить Владыку; у иного цель была та, чтобы за свое благе дело получить похвалу от проходящих путем сей жизни; другой думал досадить врагу, который ему завидовал; а иной для того трудился, чтобы люди не поносили его как праздного. И вот какие названия семян сих земледелателей: пост, бдение, милостыня, служения и подобное сему; а различное намерение сеяния тщательно да рассматривают сами о Господе братия.

58. Как, черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу вместе с водою, так часто совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объедение, с любовью – блуд, с рассуждением – коварство, с мудростию – хитрость, с кротостию – тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание; с молчанием сплетается кичливость учительства; с радостию – возношение, с надеждою – ослабление, с любовью – опять осуждение ближнего, с безмолвием – уныние и леность, с чистотою – чувство огорчения, с смиренномудрием – дерзость. Ко всем же сим добродетелям прилипает тщеславие, как некий общий коллурий⁹⁴), или, вернее сказать, отрава.

59. Да не скорбим, когда в прошениях наших ко Господу до времени не бываем услышаны; ибо Господь хотел бы, чтобы все человеки в одно мгновение сделались бесстрастными.

60. Все, просящие чего-нибудь у Бога, и не получающие, без сомнения не получают по какой-либо из сих причин: или потому что прежде времени просят; или потому что, просят не по достоинству, и по тщеславию; или потому что, получивши просимое, возгордились бы, или впали бы в нерадение.

61. В том, я думаю, никто не сомневается, что бесы и страсти отходят от души, иногда на некоторое время, а иногда и навсегда; но не многие знают, по каким причинам они нас оставляют.

62. От некоторых, не только верных, но и неверных, отошли все страсти, кроме одной. Сию одну они оставляют, как зло первенствующее, которое наполняет место всех прочих страстей; ибо она

столь вредоносна, что может свергнуть с самого неба.

63. Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественным огнем, истребляется; а по мере того, как вещество искореняется, и душа очищается, отходят и страсти, если человек сам не привлечет их опять веществолюбивым житием и леностию.

64. Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее, и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует.

65. Известно мне и другое отступление оных зверей: оно бывает тогда, когда душа совершенно утвердится в греховных навыках. Пример этого мы видим на младенцах, которые, когда не дают им сосцов матерних, по долговременной привычке своей сосут пальцы.

66. Знаю еще и пятое бесстрастие, которое бывает в душе от многой простоты и похвального незлобия. По справедливости посылается таковым помощь от Бога, спасающего правых сердцем (Пс.7:11), и неприметно для них самих избавляющего от страстей, как и младенцы, когда с них снимут одежду, почти не примечают наготы своей.

67. Но что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста, и всегдашнего умиления: то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди; другим Ангелы; а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово⁹⁵.

68. При сравнении зол, должно избирать легчайшее. Например, часто случается, что когда мы предстоим на молитве, приходят к нам братия; мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа, и опечалить его. Но любовь больше молитвы, потому что молитва есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая.

69. Однажды, когда я был еще молод, пришел я в один город или селение, и там во время обеда напали на меня вдруг помыслы объедения и тщеславия. Но боясь исчадия объедения, я рассудил лучше быть побежденным тщеславием, зная, что в юных бес объедения весьма часто побеждает беса тщеславия. И сие неудивительно: в мирских корень всех зол есть сребролюбие, а в монахах – объедение.

70. Нередко Бог, по особенному Своему промыслению, оставляет в духовных людях некоторые легчайшие страсти для того, чтобы они ради сих легких и почти безгрешных немощей много себя укоряли, и тем приобрели некрадмое богатство смиренномудрия.

71. Кто в начале не жил в повиновении, тому невозможно приобрести смирения; ибо всякий, сам собою научившийся художеству, кичится.

72. Отцы утверждают, что все деятельное житие заключается в двух главнейших добродетелях: в посте и послушании. И справедливо; ибо первый есть истребитель сластолюбия, а последнее утверждает истребление первого смиренномудрием. Посему-то и плач имеет

двоякую силу: истребляет грех, и рождает смиренномудрие.

73. Благочестивым свойственно давать всякому просящему; более же благочестивым – давать и не просящему, а не требовать назад от взявших, в особенности же когда есть возможность, свойственно одним только бесстрастным.

74. Будем непрестанно исследовать самих себя, в отношении ко всем страстям и добродетелям, чтобы узнать, где мы находимся: в начале ли, в середине, или в конце.

75. Все бесовские брани против нас происходят от сих трех причин: от сластолюбия, от гордости, или от зависти бесов. Блаженны последние, всеокаянны средние, а первые до конца непотребны.

76. Есть некоторое чувство, или, лучше сказать, навык неутомимой терпеливости. Объятый оным не убоится когда-либо страдания, и не отвертится от него. Души мучеников, исполненные сим достохвальным чувством, удобно презирали мучения.

77. Иное хранение помыслов, а иное – блюдение ума; и елико востоцы отстоят от запад, столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его.

78. Иное дело молиться против помыслов; иное – противоречить им; а иное уничижать и презирать их. О первом образе свидетельствует сказавший: Боже, в помощь мою вонми (Пс.69:2), и другое подобное. О втором же образе – сказавший: и отвечаю поношающим ми слово (Пс.118:42), т. е. слово противоречия; [96](#) и еще: положил еси нас в пререкании соседом нашим (Пс.79:7). О третьем же свидетельствует воспевший в псалмах: онемех и не отверзох уст моих (Пс.38:10); и: положих устом моим хранило, внегда востати грешному предо мною (Пс.38:2), и еще: гордии законопреступоваху до зела, от видения же Твоего не уклонихся (Пс.118:51). Средний из сих часто прибегает к первому способу, по причине своей неготовности; но первый еще не может вторым образом отвергать сих врагов; а достигший третьего устройства совершенно презирает бесов.

79. По естеству невозможно, чтобы бестелесное ограничивалось телом; но для Создателя Бога все возможно.

80. Как имеющие здоровое чувство обоняния могут ощущать ароматы, хотя кто и тайно их при себе имеет: так и душа чистая познает в других и благоухание, которое сама приняла от Бога, и злосмрадие, от которого совершенно избавлена, хотя другие сего и не ощущают.

81. Хотя не все могут быть бесстрастны, однако спастись и примириться с Богом всем не невозможно.

82. Да не овладеют тобою иноплеменники – оные помыслы, которые побуждают испытывать неизреченные судьбы промысла Божия и видения, бывающие людям, и тайно внушают безрассудное мнение, будто у Господа есть лицепрятие. Сии помыслы суть признаки и явные исчадия возношения.

83. Есть бес сребролюбия, который часто принимает лицемерный образ смирения; и есть бес тщеславия, который побуждает к раздаянию милостыни; тоже делает и бес сластолюбия. Если мы будем чисты от последних двух страстей, то не престанем творить дела милосердия на всяком месте.

84. Некоторые сказали, что одни бесы другим сопротивляются; а я удостоверился, что все они ищут нашей гибели.

85. Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственному намерению и усерднейшее желание, при Божием в оных содействии; ибо если не будет первых, то и второе не последует.

86. Время всякой вещи под небом, говорит Екклесиаст (Еккл.3:1). Изречение это объемлет и те вещи и делания, которые бывают в нашем священном жительстве. Итак, если угодно, рассмотрим, что каждому времени прилично и свойственно. Ибо известно, что для подвизающихся есть время бесстрастия, и есть время побеждения страстями, по причине младенчества подвизающихся. Есть время слез, и время окаменелости сердца; есть время повиновения, и время повеления; есть время поста, и время принятия пищи. Есть время брани от врага – тела, и время погашения разжжения; время бури душевной, и время тишины ума; время сердечной печали, и время духовной радости; время учить и время учиться; время осквернений, может быть, за возношение, и время очищений за смирение; время борьбы и время твердого мира; время безмолвия, и время деятельности безмолвной; время непрестанной молитвы, и время нелицемерного служения. Итак, да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время: не будем искать в зиме того, что свойственно лету; ни во время сеяния – того, что принадлежит жатве. Ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченные дарования благодати. В противном случае, мы и в свое время не получим того, что оному времени прилично и свойственно.

87. Некоторые, по непостижимому Божию промыслу, получили духовные дарования⁹⁷⁾ прежде трудов; другие в самых трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достоино испытания, кто из них смиреннее прочих?

88. Есть отчаяние, происходящее от множества грехов и отягчения совести и нестерпимой печали, когда душа по причине множества сих язв погружается, и от тяжести их утопает во глубине безнадежия. Но есть отчаяние и другого вида, которое бывает от гордости и возношения, когда падшие думают, что они не заслужили сего падения. Если кто в это вникнет, то найдет, что между теми и другими такое различие: первые предаются нерадению; а вторые при безнадежии держатся и подвига, что одно другому противно. Но от первого исцеляют воздержание и благонадежие; а от последнего смирение, и то, чтобы никого не судить.

89. Мы не должны удивляться, как чему-либо чрезвычайному, когда видим, что некоторые творят дела злые, а слова вещают добрые; ибо и змия оного, витийствовавшего в раю, гордость, вознесши,

погубила⁹⁸).

90. Во всех твоих начинаниях и во всяком образе жизни, в подчинении ли ты находишься, или неподчинении, видимое ли твое делание или духовное, да будет тебе сие законом и правилом: испытывай, истинно ли они Бога ради совершаются? Например, если мы, будучи новоначальными, делаем что-нибудь с прилежанием, но от сего делания не умножается в душе нашей прежде снисканное смирение: то не думаю, чтобы труд наш был по Богу, мал ли он или велик. Ибо в нас, младенческих, признак того, что делание наше согласно с волею Божиею, есть успеяние в смирении; в средних – прекращение внутренних браней; а в совершенных – умножение и изобилие божественного света.

91. Малое у великих может быть и не мало; а великое у малых без сомнения несовершенно.

92. Когда воздух очистится от облаков, тогда солнце показывается во всем своем сиянии; так и душа, которая сподобилась прощения грехов и прежних навыков, без сомнения, видит Божественный свет.

93. Иное есть грех, иное праздность, иное есть нерадение, иное страсть, а иное падение. Кто может познавать это о Господе, да распознает⁹⁹).

94. Некоторые больше всего ублажают чудотворения и другие видимые духовные дарования, не зная того, что есть много превосходнейших дарований, которые сокровенны и потому безопасны от падения.

95. Совершенно очистившийся от страстей видит даже душу ближнего, хотя не самое существо ее, но в каком она находится устроении, и каковы ее расположения и чувствования; а преуспевающий еще судит о душе по телесным действиям.

96. Малый огонь часто истребляет все случившееся вещество; и малая скважина расточает весь труд наш.

97. Иногда упокоение враждебного нам тела возбуждает силу ума, не производя плотского разжжения; иногда же, напротив, изнурение тела производит в нем непристойные движения, чтобы мы не на себя уповали, но на Бога, неведомым образом умерщвляющего в нас живущую похоть.

98. Если видим, что некоторые любят нас о Господе, то перед ними мы наиболее должны сохранять скромность; ибо ничто так не разоряет любви, и ничто столь скоро не производит ненависти, как вольность в обращении.

99. Душевное око проницательно и прекрасно¹⁰⁰), так что после бесплотных существ оно (проницательностию) превосходит всякий вид тварей. Посему часто и те, которые побеждаются страстями, могут познавать мысли в душах других, от великой любви к ним, особенно же когда они не погрязают в плотских сквернах. Если ничто так не противно невещественному оному естеству, как вещественное, то чтущий да разумет.

100. Суеверные приметы в мирских людях сопротивляются вере в промысл Божий; а в нас монахах – духовному разуму.

101. Немощные душою должны познавать посещение Господне и Его милость к ним из телесных болезней, бед и искушений внешних. Совершенные же познают посещение Божие от пришествия Духа и по умножению дарований.

102. Есть бес, который, как только мы возлегли на одр, приходит к нам, и стреляет в нас лукавыми и нечистыми помыслами, чтобы мы, поленившись вооружиться против них молитвою, и уснувши со скверными помыслами, объаты были потом и скверными сновидениями.

103. Есть между злыми духами бес, называемый предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас, и оскверняет первые наши мысли. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь их, того они и будут. Один искуснейший делатель сказал мне сие достойное внимания слово: «По началу утра, – говорит он, – предузнаю я все течение дня моего».

104. Много путей благочестия, и много путей погибели; и часто случается, что путь неудобный для одного, бывает благопоспешен для другого; а между тем, намерение идущих обеими стезями благоугодно Господу.

105. В случающихся с нами искушениях бесы борют нас, чтобы мы сказали или сделали что-нибудь безрассудное; если же не могут одолеть нас, то, тихо приступивши, влагают нам тайно гордое благодарение Богу.

106. Мудрствующие горняя по смерти восходят горе, а мудрствующие дольняя – долу; ибо для душ, разлучающихся с телами, нет третьего, среднего места. Из всех созданий Божиих одна душа имеет бытие свое в другом (в теле), а не в самом себе; и достойно удивления, каким образом оно может существовать без того, в чем получило жизнь?

107. Благочестивые дщери рождаются от благочестивых матерей, а матери от Господа; сообразно сему примеру можно справедливо заключать и о противном сему.

108. Боязливый на брань да не исходит, повелевает Моисей, паче же Бог; чтобы сие последнее обольщение души не было хуже первого падения телесного; и справедливо.

Свет всем телесным членам – чувственные очи; свет же мысленный Божественных добродетелей есть рассуждение.

О благорассмотрительном рассуждении.

109. Как олень, палимый жаждою желает вод, так иноки желают постигать благу волю Божию; и не только сие, но и познавать, когда примешивается к ней наша собственная, и когда действует одна противная. Об этом предлежит нам пространное и затруднительное слово: т. е. какие из наших деланий должны мы исполнять без всякого отлагательства, по сему изречению: горе отлагающему день от дне и время от времени (Сир.5:8);

и какие напротив с терпеливостью и рассмотрительностью, по совету мудрого, который сказал: со управлением бывает брань (Притч.24:6); и еще: вся благообразно и по чину да бывают (1Кор.14:40). Ибо не все, повторяю, могут скоро и благоразумно рассуждать о сих неудобоизъяснимых случаях; и Богоносный Пророк, который имел в себе Духа Святого, глаголавшего его устами, часто молился о своем даровании, иногда взывая: научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой (Пс.142:10); в другой раз: скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе, отрешив от всех страстей и попечений житейских, взял и возвысих душу мою (Пс.142:8).

110. Все, хотящие познать волю Господню, должны прежде умертвить в себе волю собственную; и помолившись Богу, с верою и нелукавою простотою вопрошать отцов и братьев, в смирении сердца и без всякого сомнения в помысле, и принимать советы их, как их уст Божиих, хотя бы оные и противны были собственному их разуму, и хотя бы вопрошаемые были не весьма духовны. Ибо не неправеден Бог, и не попустит, чтобы прельстить те души, которые с верою и незлобием смиренно покорили себя совету и суду ближнего; потому, хотя бы вопрошаемые и не имел и духовного разума, но есть глаголющий чрез них Невещественный и Невидимый. Многого смиренномудрия исполнены те, которые руководствуются сим правилом несомненно; ибо если некто во псалтири отверзал гадание свое (т. е. таинственный смысл притчей): то сколько, думаете, провещание словесного ума и разумной души превосходнее провещания бездушных звуков.

111. Многие, по самоугодию не достигнув описанного нами легкого и совершенного блага, но покусившиеся сами собою и в себе самих постигнуть благоугодное Господу, сообщили нам весьма многие и различные мнения о сем предмете.

112. Некоторые из испытующих волю Божию отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей, т. е. и к побуждающему на дело, и ко внушающему противное; и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжении предназначенных дней представляли Господу; и достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно провещевал нечто их уму, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало в душе.

113. Другие по скорби и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их согласно с Божественною волею, по слову Апостола: восхотихом приити к вам и единою, и дважды, но возбрани нам сатана (1Сол.2:18).

114. Иные напротив по неожиданному благопоспешению, которое они получали в своем деле, познавали, что оно благоприятно Богу, помяная слово оное, что всякому произволяющему делать благоепоспешествует Бог.

115. Кто просвещением свыше стяжал в себе Бога, тот уверяется в воле Божией, как в делах скорости требующих, так и в делах неспешных, вторым образом, только без определенного срока

времени¹⁰¹).

116. Сомневаться в суждениях, и долго не решаться на избрание чего-либо из двух, есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души.

117. Не неправеден Бог, и двери милосердия Своего не заключит для тех, которые стучатся со смирением.

118. Господь во всех наших делах, как требующих скорости, так и отлагаемых на время, всегда взирает на цель нашу; и потому все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты, и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменится нам во благо, хотя бы оно и не совсем было благо.

119. Испытание же того, что выше нас, имеет не безбедный конец; ибо суд Божий о нас непостижим; и Господь часто промыслительно скрывает от нас волю Свою, ведая, что мы, и познавши ее, преслушались бы и заслужили бы сим большее наказание.

120. Сердце правое свободно от различия вещей, и безопасно плавает в корабле незлобия¹⁰²).

121. Есть мужественные души, которые, от сильной любви к Богу и смирения сердца, покушаются на делания, превосходящие силу их; но есть и гордые сердца, которые отваживаются на такие же предприятия. А враги наши часто нарочно для того подущают нас на такие дела, которые выше нашей силы, чтобы мы, не получивши успеха в них, впали бы в уныние, и оставили даже те дела, которые соразмерны нашим силам, и таким образом сделались бы посмешищем наших врагов.

122. Видел я немощных душою и телом, которые ради множества согрешений своих покусились на подвиги, превосходившие их силу, но не могли их вынести. Я сказал им, что Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения.

123. Иногда воспитание бывает причиною крайних зол, а иногда худое сообщество; но часто и собственное развращение души достаточно ей к гибели, избавившийся от двух первых зол избавился, может быть, и от третьего; а в ком господствует третье, тот непотребен на всяком месте. Ибо нет места столь безопасного, как небо; однако диавол и там не устоял.

124. Неверных или еретиков, которые охотно спорят с нами для того, чтобы защитить свое нечестие, после первого и второго увещания должны мы оставлять; напротив того, желающим научиться истине не поленимся благодетельствовать в этом до конца нашей жизни. Впрочем будем поступать в обоих случаях к утверждению собственного нашего сердца.

125. Весьма неразумен тот, кто, слыша о сверхъестественных добродетелях святых мужей, отчаивается. Напротив они преподают тебе одной из двух полезных наставлений: или чрез святое мужество возбуждают к ревности, или чрез всесвятое смирение приводят тебя к глубокому познанию твоей немощи, и к зазрению самого себя.

126. Между нечистыми духами есть такие, которые лукавее других: они не довольствуются тем, чтобы одних нас ввести в грех, но советуют нам и других иметь сообщниками зла, чтобы навлечь на нас лютейшие муки. Видел я одного человека, который передал другому свою греховную привычку, а потом, пришедши в чувство, начал каяться, и отстал от греха; но так как наученный им не переставал грешить, то покаяние его действительно не было.

127. Многообразно, поистине многообразно и неудобопостижимо лукавство нечистых духов, и немногими видимо; думаю же, что и сии немногие не вполне его видят. Например: отчего бывает, что мы иногда, и наслаждаясь, и насыщаясь, бдим трезвенно, а находясь в посте и злострадании, сильно отягощаемся сном? Отчего в безмолвии мы чувствуем сердечную сухость, а пребывая с другими, исполняемся умиления? Отчего, будучи голодны, претерпеваем искушения во сне: а насыщаясь, бываем свободны от сих искушений? Отчего в скудости и воздержании бываем мрачны и без умиления; когда же напротив, пьем вино, тогда бываем радостны и легко приходим в умиление? Могущий о Господе да научит этому непросвещенных; ибо мы сего не знаем. Однако можем сказать, что сии перемены не всегда происходят от бесов, но иногда и от сей, данной мне и не знаю как сопряженной со мною, сластолюбивой, скверной и дебелий плоти.

128. О всех этих неудобопонятных, бывающих с нами изменениях, усердно и смиренно помолимся Господу. Если же и после молитвы, и по многом времени, будем ощущать в себе те же действия, тогда познаем, что это не от бесов, но от естества. А часто Божественный промысл и чрез противное хочет нам благодетельствовать, всеми средствами смиряя наше возношение.

129. Бедственно любопытствовать о глубине судеб Божиих; ибо любопытствующие плывут в корабле гордости. Впрочем, ради немощи многих надобно кое-что сказать.

130. Некто спросил одного из имеющих дар рассмотрения: «Для чего Бог, предвидя падение некоторых, украсил их дарованиями и силою чудотворения?» Тот отвечал: «Во-первых, для того, чтобы примером их утвердить (предостеречь) прочих духовных; во-вторых, для того, чтобы показать свободу человеческой воли; и наконец, чтобы тех, которые падут, получивши такие дарования, сделать безответными на страшном суде».

131. Ветхий закон, как еще несовершенный, говорил: внемли себе (Втор.15:9). Господь же, как Всесовершенный, заповедует нам пещись еще о исправлении брата, говоря: аще согрешит брат твой и проч. (Мф.18:15). Итак, если обличение твое, паче же напоминание, чисто и смиренно, то не отрекайся исполнять оную заповедь Господню, особенно же в отношении тех, которые принимают твои слова. Если же ты еще не достиг сего, то по крайней мере исполняй ветхозаконное повеление.

132. Не удивляйся, видя, что и любимые тобою враждуют на тебя за твои обличения. Ибо легкомысленные люди бывают орудиями бесов, и особенно, против их врагов (то есть рабов Божиих).

133. Много удивляюсь я одному странному в нас действию: почему мы, имея помощниками на добродетель и все сильного Бога, и Ангелов, и святых человеков, а на грех одного беса лукавого, удобнее и скорее преклоняемся к страстям и порокам, нежели к добродетели? Говорить о сем подробно я не могу, и не хочу.

134. Если все сотворенное пребывает таким, каким оно создано: то как я, говорит Григорий Великий, и образ Божий есмь, и срастворен с сим брением? Если же какие-либо из тварей стали не такими, какими были сотворены, то неудержимо желают сродного себе. Посему и каждый из нас должен употребить все возможные средства, чтобы, очистив и возвысив сие брение тела, так сказать, посадить его на престоле Божиим. И никто да не отрицается от сего восхождения; ибо путь к нему открыт и дверь отверста.

135. Слушание повествований о подвигах и добродетелях духовных отцов ум и душу возбуждает к ревности; а слушание поучений их наставляет и руководствует ревнителей к подражанию.

136. Рассуждение есть светильник во тьме, возвращение заблудших на правый путь, просвещение слепотствующих. Рассудительный муж есть истребитель болезни и восстановитель здоровья.

137. Те, которые удивляются маловажным вещам, делают это по двум причинам: или по крайнему невежеству, или с мыслию смиренномудрия¹⁰³, возвеличивая и возвышая деяния ближнего.

138. Будем стараться не только отражать бесов, но и нападать на них. Ибо кто только отражает их, тот иногда разбивает неприятеля, а иногда и сам бывает разбит; но воюющие наступательным образом всегда гонят врага своего.

139. Победивший страсти уязвляет бесов: притворяясь, будто все еще подвержен прежним страстям, он обманывает врагов своих, и не терпит от них нападений. Некоторый брат, будучи однажды обещан, нисколько не подвигшись сердцем, помолился в уме своем; а после начал плакать о том, что его обесчестили, и притворною страстию утаил свое бесстрастие. Другой брат, который совсем не хотел председательствовать, притворился, будто сильно этого желает. Как же изображу тебе чистоту того мужа, который взошел в блудилище, как бы для греха, и найдя там блудницу привел к чистому и подвижническому житию? Также одному из безмолвствующих весьма рано по утру принесли кисть винограда; он же, по отшествии принесшего, тотчас устремился на виноград и съел его, но без всякого услаждения, с тем только, чтобы показать себя перед бесами чревоугодником. Другой, потеряв немногие ветви, весь день притворялся скорбящим. Но таким делателям нужна большая осторожность, чтобы покусившись посмеяться над бесами, сами они не были от них осмеяны. Сии люди поистине суть те, о которых Апостол сказал: яко лестцы и истинны (2Кор.6:8).

140. Кто желает представить Господу чистое тело и чистое сердце, тот должен сохранить безгневие и воздержание; потому что без сих двух добродетелей весь труд наш будет бесполезен.

141. Как свет для телесных очей бывает различный, так и озарения мысленного солнца в душе бывают различны и многообразны. Иное из них происходит от телесных слез, другое от душевных; иное от созерцаемого телесными очами, а иное – умными; иное радование происходит от слуха, другое само собою движется; иное от безмолвия, другое от послушания. Кроме всего этого есть еще особенное состояние, в котором восхищенный представляется Христу во свете неизреченно, непостижимо.

142. Есть добродетели, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Матерям добродетелей учитель Сам Бог собственным действием; а для научения дочерям наставников много.

143. Должно внимать себе и в том, чтобы скудость наслаждения пищею не наполнять излишеством сна, равно и напротив: ибо так поступать есть дело безумных.

144. Видел я мужественных делателей, которые, по некоторой нужде, давши чреву малое послабление в пище, вслед за тем, утомляли сие окаянное тело всенощным стоянием, и тем научили его с радостию отвращаться от насыщения.

145. Бес сребролюбия борется с нестяжательными, и когда не может их одолеть, тогда представляя им нищих, под видом милосердия увещевает их, чтобы они из невещественных опять сделались вещественными.

146. В печали о грехах влекомые к отчаянию, да не престанем вспоминать, что Господь заповедал Петру прощать согрешающего семьдесят крат седмицею (Мф.18:22); а Кто такую заповедь предал другому, Тот и Сам, без сомнения, несравненно более сделает. Напротив, когда борет нас возношение, тогда потщимся вспоминать изречение св. Апостола Иакова: иже весь закон духовный соблюдет, согрешит же одною страстию – высокоумием, бысть всем повинен (Иак.2:10).

147. Между лукавыми и завистливыми духами некоторые такого рода, что отступают от святых умышленно с тем, чтобы не доставить боримым венцов за победы в бранях.

148. Блажени миротворцы (Мф.5:9), и никто не может этому противоречить; впрочем я видел и враждотворцев блаженных. Два человека имели нечистую любовь между собою; некто же, искуснейший из рассудительных, желая прекратить это зло, поссорил их между собою, сказав тому и другому особо, что друг его худо говорит об нем между людьми. Так сей премудрый успел человеческою хитростию отразить злобу бесов, и произвести ненависть, которая уничтожила предосудительную любовь.

149. Иногда разрушают заповедь ради другой заповеди. Например, видел я юных, связуемых союзом любви по Богу; но чтобы не соблазнить других, и не уязвить их совести, они уговорились между собою, и удалились на время друг от друга.

150. Как брак и смерть противны друг

другу; так и гордость и отчаяние между собою несогласны; но по злоухищрению бесов, можно обе эти страсти видеть в одном человеке.

151. Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания. Они обыкновенно делают это в сердцах тщеславных, и еще более, в обученных внешним наука, чтобы, обольщая их мало-помалу, ввергнуть наконец в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие, или, лучше сказать, богоборство, по смущению, по нестройной и нечистой радости, которая бывает в душе во время сих толкований.

152. Все сотворенные существа получили от Создателя чин бытия и начало, а для некоторых и конец предназначен; но добродетели конец беспределен. Всякия кончины, говорит Псалмопевец, видех конец, широка же заповедь твоя зело и бесконечна (Пс.118:96). И подлинно, если некоторые добрые делатели пойдут от силы деяния в силу видения; если любовь никогда не престанет, и если Господь хранит вхождение страха твоего, и исхождение любви твоей (Пс.120:8): то явно, что и конец сей любви бесконечен; и мы никогда не перестанем преуспевать в ней, ни в настоящем веке, ни в будущем, светом всегда приемля новый свет разумений. И хотя многим покажется странностью, то, что мы теперь говорим, однако, утверждаясь на предложенных свидетельствах, скажу, о блаженный отче, что и Ангелы, сии бестелесные существа, не пребывают без преуспевания, но всегда приемлют славу к славе, и разум к разуму.

153. Не удивляйся тому, что бесы тайным образом влагают нам часто и добрые помышления, а потом противоречат им другими помыслами. Сии враги наши намерены только убедить нас этою хитростию, что они знают и сердечные наши помышления.

154. Не будь строгим судиею тех, которые словами учат о великих добродетелях, когда видишь, что сами они к благому деланию ленивы; ибо недостаток дела часто восполняется пользою одного учения. Мы не все стяжали все в равной мере: некоторые имеют превосходство более в слове, чем в деле; а в других напротив дело сильнее слова.

155. Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждают те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не понимают того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем оное на незаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, на древнего одного змия; а мы употребляем оный против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам. От естества есть в душе желание славы, но только горней. Естественна и гордиться, но над одними бесами. Подобным образом естественно душе и радоваться, но о Господе и о благих деяниях ближнего. Получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей. По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддержать жизнь, а не для сластолюбия.

156. Неленостная душа воздвигает бесов на брань против себя; с умножением же браней умножаются и венцы, неузвляемый супостатами не получит никакого венца; а кто от случающихся

падений не упадает духом, того восхвалят Ангелы, как храброго воина.

157. Христос, пробыв три ночи в земле, воскрес, чтобы уже никогда не умирать. Не умрет и тот, кто в трех различных часах устоит победителем¹⁰⁴).

158. Если по устройению наказующего нас промысла Божия, духовное солнце, после своего в нас восхода позна запад свой (Пс.103); то конечно положи тьму закров свой; и бысть ночь, в ней же пройдут к нам, прежде отшедшие, дикие скимны, и вси зверие дубравнии тернистых страстей, рыкаяще восхитити сущую в нас ко спасению надежду, и взыскающе от Бога пищу себе страстей, или в помышлении, или в деянии. Но когда из темной глубины смирения паки воссияет нам оноесолнце, и сии звери, собравшися к себе и в ложах своих лягут, т. е. сердцах сластолюбивых, а не в нас; тогда рекут бесы между собою: возвеличил есть Господь паки сотворити милость с ними (Пс.125:3). Мы же скажем к ним: возвеличил есть Господь сотворити (милость) с нами, бехом веселящися; вы же прогнаны. Се Господь седит на облаце легце, т. е. на душе, вознесенной превыше всякого земного желания, и придет в Египет, т. е. в сердце, помраченное прежде, и потрясутся рукотворенные идолы, т. е. суетные помыслы ума (Ис.19:1).

159. Если Христос, хотя и Всемогущий, телесно бежал в Египет от Ирода; то пусть дерзновенные научатся не вдаваться безрассудно в искушения. Ибо сказано: не даждь в смятение ноги твоя, и не воздремлет храняй тя Ангел (Пс.120:3).

161. Кичливость сплетается с мужеством, как растение, смилакс называемое¹⁰⁵, с кипарисом.

161. Непрестанное дело наше должно состоять в том, чтобы не просто верить помыслу, когда нам кажется, что мы стяжали какое-нибудь благо; но тщательно исследуя свойства сего добра, рассматривать, есть ли оно в нас? Исполнивши это, познаем, что мы совершенно недостаточны.

162. Непрестанно испытывай также и признаки страстей, и ты увидишь, что в тебе находятся многие страсти, которых, будучи в недугах душевных, мы и распознать не можем, или по немощи нашей, или по причине глубоко укоренившегося греховного навыка.

163. Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше; но в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности. Велик тот, кто не оставляет никакого доброго дела, силам его соразмерного; а еще более тот, кто со смирением покушается и на дела, превышающие его силы.

164. Бесы часто возбраняют нам делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринять труднейшее.

165. Нахожу, что Иосиф ублажается за отвращение от греха, а не за то, чтобы в нем уже было бесстрастие, нам же должно испытать: от каких и скольких грехов отвращение заслуживать венец. Ибо иное дело отвращаться и уклоняться от мрака греховного; а иное, и притом превосходнейшее, притекать к Солнцу чистоты.

166. Помрачение бывает причиною преткновения; преткновение же - падения; падение же - смерти душевной.

167. Помрачившиеся от вина часто истрезвляются водою; а помрачившиеся от страстей истрезвляются слезами.

168. Иное есть возмущение, иное помрачение, и иное ослепление. Первое исцеляется воздержанием, второе безмолвием; а третье исцеляет послушание, и Бог, Который ради нас послушлив был (Флп.2:8) [106](#)).

169. Два места, в которых очищаются земные вещи, могут служить образцом для тех, которые мудрствуют горняя.

170. Общежитие устроенное по Богу, есть духовная прачечная, стирающая всякую скверну и грубость и все безобразие души. Отшельничество же может назваться красильнею для тех, которые очистились от вожделения, памятозлобия и раздражительности, и потом уже удалились на безмолвие.

171. Некоторые говорят, что падения в те же согрешения происходят от недостатка покаяния, приличного и равномерного прежним беззакониям. Но должно испытать: всякий ли, который не падает в тот же вид греха, истинно покаялся? Некоторые падают в те же согрешения, или потому, что предали глубокому забвению прежние свои падения; или потому что они от сластолюбия безрассудно представляют себе Бога излишне человеколюбивым; или что отчаялись в своем спасении. Не знаю, не будут ли меня порицать, когда скажу, что иные из них не могут уже связать врага своего, силою привычки утвердившего над ними свою мучительную власть.

172. Достойно также испытания, как душа, бестелесное существо не может видеть приходящих к ней такого же существа духов, каковы они по естеству, не потому ли это, что она сопряжена с телом? Это знает один Связавший их.

173. Некто из рассудительных мужей, как бы желая научиться от меня, спросил меня однажды, говоря: «Скажи мне, какие из духов через грехи смиряют ум наш, и какие надмевают его?» Но как я не знал, что отвечать на сей вопрос, и клятвою уверил его в своем неведении, то хотевший научиться сам научил меня, и сказал: «В немногих словах я дам тебе закваску рассуждения, и предоставлю тебе самому потрудиться испытать прочее. Бес блуда и бес гнева, бес чревонеистовства, бес уныния и бес сонливости не имеют свойства возносить рог нашего ума; бесы же сребролюбия, любоначалия, многословия и многие другие к злу греха присовокупляют обыкновенно и зло возношения; и бес осуждения подобен им в этом».

174. Если иное, посетив мирских людей, или приняв их в свою келлию, через час или через день по разлучении с ними уязвился стрелою печали, вместо того, чтобы радоваться о своем избавлении от запутывающей сети, то такой бывает поруган или от тщеславия, или от блудной страсти.

175. Прежде всего да испытуем, откуда веет ветер, чтобы не распустить нам парусов в противную сторону.

176. Утешай с любовью деятельных старцев, изнузивших тела свои духовными подвигами, и подавая им некоторое упокоение. Юных же, которые удручили души свои грехами, убеждай к воздержанию, приводя им на память вечную муку.

177. Невозможное дело, как я уже сказал, в начале иночества быть совершенно чистыми от объедения и тщеславия. Но не должно нам против тщеславия вооружаться наслаждением; ибо побеждение (тщеславия) чревоугодием рождает в новоначальных новое тщеславие. Лучше постом и молитвою поражать сию страсть. Грядет бо час, а для произволяющих и ныне есть, когда Господь покорит под ноги наша и тщеславие.

178. Юные и состарившиеся, приступая работать Господу, не одними страстями бывают боримы; но часто они имеют совсем противные недуги. Посему блаженно и преблаженно святое смирение; ибо оно как юным, так и состарившимся подает твердость и силу в покаянии.

179. Да не смущает тебя слово, которое хочу сказать теперь. Редки, а впрочем есть, души правые и нелукавые, свободные от всякого зла, лицемерия и коварства, которым пребывание в сообществе с людьми вовсе бесполезно; но они могут с наставником от безмолвия, как от тихого убежища, восходить на небо, не имея нужды познавать опытом молв и соблазнов, бывающих в общежитиях.

180. Блудных могут исправлять люди, лукавых Ангелы, а гордых – Сам Бог. Вид любви часто может состоять в том, чтобы ближнему, когда он к нам приходит, давать свободу делать все, что ему угодно, и показывать ему притом радостное лицо. Должно испытывать, каким образом и доколе, когда и так же ли раскаяние в добрых делах уничтожает оные, как и раскаяние в злых истребляет сии последние?

181. С многим рассуждением должны мы рассматривать: когда, в каких случаях и доколе должно нам стоять против предметов страстей и бороться с ними, и когда отступать. Ибо иногда можно по немощи предпочесть и бегство, чтобы не умереть душевно.

182. Рассмотрим и заметим (может быть в свое время желчь и горечью возможем истребить), какие бесы приводят нас в гордость, какие нас смиряют, какие ожесточают, какие нас утешают, какие наводят мрак, какие обольщают нас лицемерным просвещением, какие делают нас медлительными, какие коварными, какие радостными, и какие печальными.

183. Да не ужасаемся, видя, что мы в начале иноческого подвига больше обуреваемы страстями, нежели когда мы жили в мире; потому что сперва необходимо возникнуть всем причинам болезней, а потом уже воспоследовать здравью. Может быть, сии звери и прежде где-нибудь скрывались в нас, но мы их в себе не примечали.

184. Когда приближающиеся к совершенству

по какому-нибудь случаю бывают побеждены бесами в чем-либо и самом малом: то они немедленно должны употребить все меры, чтобы сие стократно восхитить от врагов.

185. Как ветры в тихую погоду колеблют только поверхность моря, а в другое время приводят в движение самую глубину: так должно заключать и о ветрах тьмы. Ибо в страстных людях колеблют они самое чувство сердца¹⁰⁷), а в преуспевших уже только поверхность ума; потому сии последние и скорее ощущают обыкновенную тишину свою, ибо внутренность их оставалась неоскверненную.

186. Одни совершенные могут всегда распознавать какое помышление возникает в душе от собственной ее совести, какое происходит от Бога, и какое от бесов. Ибо сначала бесы не все противное нам тайно влагают. Потому и предмет сей весьма темен.

Двумя чувственными очами просвещается тело; а мысленным и видимым рассуждением просвещаются очи сердечные.

Краткое содержание предыдущих слов.

187. Твердая вера есть мать отречения от мира; действие же противного ей само собою явственно.

188. Непоколебимая надежда есть дверь беспристрастия; действие же противного сему само собою явственно.

189. Любовь к Богу есть причина удаления от мира; действие же противного сему само собою явственно.

190. Повиновение рождается от зазрения самого себя и от желания душевного здравия.

191. Воздержание есть мать здравия; а мать воздержания есть помышление о смерти и твердое памятование желчи и оцета, который вкусил наш Владыка и Бог.

192. Споспешник и начало целомудрия есть безмолвие; угашение разжжения плотского – пост; а враг скверных и нечистых помыслов есть сокрушение сердца.

193. Вера и удаление от мира есть смерть сребролюбия; милосердие же и любовь предают за ближнего и самое тело.

194. Прилежная молитва есть погибель унынию; а память о последнем суде рождает усердие.

195. Желание бесчестий есть исцеление раздражительности; псалмопение же, милосердие и нестяжание суть убийцы печали.

196. Беспристрастие к вещам чувственным возводит к видению мысленных.

197. Молчание и безмолвие – враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси бесчестия.

198. Видимую гордость исцеляют скорбные обстоятельства; а невидимую – Превечный и Невидимый.

199. Истребитель чувственных змей
есть олень, а мысленных – смирение (э).

200. Из того, что видим в природе,
можем брать ясные наставления и для духовной жизни.

201. Как змея не может совлечь с себя
старой кожи, если не пролезет через тесную скважину; так и мы не можем
отвергнуть прежние злые навыки и ветхость души и ризу ветхого человека,
если не пройдем узкого и тесного пути поста и бесчестия.

202. Как тучные птицы не могут высоко
летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо.

203. Иссохшая тина не привлекает свиней:
и плоть, увядшая от подвигов, не упокоивает более бесов.

204. Как часто слишком большое количество
дров подавляет и угашает пламень, и производит множество дыма: так часто и
чрезмерная печаль делает душу как бы дымною и темною, и иссушает воду
слез.

205. Как слепец – неискусный стрелок,
так и ученик прекословный погибает.

206. Как закаленное железо может наострить
незакаленной, так и брат усердный часто спасает ленивого.

207. Как яйца, согреваемые под крыльями
оживотворяются: так и помыслы, необъявляемые духовному отцу, переходят в
дела.

208. Как кони на бегу ретятся опередить
друг друга: так и в добром братстве один другого возбуждает.

209. Как облака закрывают солнце,
так и греховные помыслы помрачают и губят ум.

210. Как получивший смертный приговор,
и идущий на казнь, не беседует о народных зрелищах: так и искренно
оплакивающий грехи свои не будет угождать чреву.

211. Как убогие, видя царские сокровища,
еще более познают нищету свою: так и душа, читая повествования о великих
добродетелях св. отцов, делается более смиренною в мыслях своих.

212. Как железо и невольно повинуется
магниту: так и закосневшие в злых привычках по неволе увлекаются ими.

213. Как море и невольно укрощается
елеем: так и пост угашает и невольные разжжения плоти.

214. Как вода стесняемая поднимается
вверх: так и душа, угнетенная бедами, покаянием восходит к Богу и спасается.

215. Как носящего ароматы обнаруживает
благовонный запах и против воли его: так и имеющий в себе Духа Господня
познается по словам своим и по смирению.

216. Как ветры возмущают бездну: так

и ярость больше всех страстей смущает ум.

217. Чего глаза не видели, того и гортань, по одному слуху, не сильно желает вкушать: так и чистые телом получают от своего неведения большое облегчение в духовной брани.

218. Как воры не так свободно приходят красть в те места, где лежит царское оружие: так и мысленные разбойники не легко могут окрадывать того, кто совокупил молитву с сердцем.

219. Как огонь не рождает снега; так и ищущий земной славы не получит небесной.

220. Как одна искра часто сожигает множество вещества: так есть и одно благо, которое изглаживает множество великих согрешений.

221. Как невозможно без оружия убивать зверей: так невозможно без смирения приобрести безгневие.

222. Как невозможно по естеству прожить без пищи: так и до конца жизни невозможно ни на минуту предаваться нерадению.

223. Луч солнечный, проникнувший чрез скважину в дом, просвещает в нем все, так что видна бывает тончайшая пыль, носящаяся в воздухе: подобно сему, когда страх Господень приходит в сердце, то показывает ему все грехи его.

224. Как раки удобно ловятся, потому что ползают то вперед, то назад: так и душа, которая иногда плачет, иногда смеется, иногда наслаждается, никакой не может получить пользы.

225. Как спящие легко бывают окрадываемы, так и проходящие добродетель близ мира.

226. Как сражающийся со львом, если отвратит от него взор своей, тотчас погибает